

since 0 is between
and 2π , in $r = \sin \theta$
Retraces its steps.

Андрей ПАВЛЕНКО

Гаснущее солнце

Книга 2. Линия ночи

Андрей Павленко
Линия ночи
Серия «Гаснущее солнце», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57290871

SelfPub; 2020

Аннотация

Существуют ли вампиры, гули и другие существа из мифов, или перед нами разворачивается небывалое шоу? Ватикан и Чернобыль – есть ли между этим связь? И действительно ли человечеству угрожает опасность, или это лишь фарс, разыгрываемый существом, выдающим себя за Бога?

Содержание

Часть 3

9

Конец ознакомительного фрагмента.

127

Андрей Павленко

Линия ночи

Пролог

Президент аккуратно положил ручку на стол, и потерял красные от бессонницы глаза. Он потянулся было к селектору, но рука замерла на полпути.

Отставить. Больше двух чашек кофе он не пил.

Скрестив в замок пальцы, он медленно опустил руки на полированную поверхность стола.

Президент проснулся сегодня в половине третьего, и больше так и не заснул. В голове крепко засела одна мысль.

Почему?

Имея за спиной изрядный опыт закулисных интриг и административной работы, он лучше, чем кто либо, понимал, что даром в наше время можно получить лишь троянского коня. Как в прямом, так и переносном смысле.

Президент откинулся в кресле и помассировал лицо. Может, плюнуть на все и уехать? На дачу, например. Пару дней на охоте. Шашлычок, водочка, комары. И никого из раболепствующих вассалов, только ребята из охраны и Максимыч – бессменный смотритель заповедника.

Но уезжать нельзя. Нужно готовиться к выборам. Подготовка к которым начинается сразу после победы. Где главным козырем будет результат. Его результат.

Бремя власти накладывает свой отпечаток. Пожалуй, он остался прежним лишь в кругу семьи... От которой, тем не менее, с каждым днем все дальше и дальше. Что же, всегда нужно приносить жертву безликому монстру под названием Государство. И чем ближе и дороже жертва, тем больше шансов задобрить этого Бриарей.

Уже три года он возглавляет одно из самых сильных государств в мире, будучи при этом на вершине власти более пятнадцати лет. И понимает, что живя властью, дыша ею и думая о ней, давно стал с нею одним целым.

Победивший дракона сам становится драконом, говорит китайская мудрость.

У китайцев есть чему поучиться. Теперь есть. С ними приходится считаться, дракон вылупился много лет назад, и сейчас входит в пору зрелости.

Но что будет, когда он захочет есть? И поймает орла, расправившего крылья над двумя континентами?

Останется лишь медведь, сосущий лапу.

Как это ни странно, но Президент до сих пор оставался патриотом. Пусть и не на все сто процентов, как утверждали многочисленные оппоненты, но говоря о стране, по крайней мере, никогда не лицемерил, как это делали некоторые...

В кулуарах власти патриотизм считался дурным тоном, впрочем, патриоты там и не встречались.

А что такое патриотизм? Лишь благодаря своей стране он стал тем, кем стал... Никто не говорит, что он, особенно в

последнее время, выглядел кристально честным и порядочным: такие просто не попадают наверх, но мерзавцем и подлецом не был тоже...

Тем более, в вещах, касающихся блага страны.

Теперь, когда есть шанс вытащить, вытянуть ее на вершину, и остаться в веках, как Президент. С большой буквы.

А не две строчки в энциклопедии.

...Нет, нужно сделать все, чтобы дракон впился в белоголового орлана, неизменного соперника страны. Его, Президента, страны. Силы почти равны, пусть пожрут друг друга, освободив простор гордой двуглавой птице.

Так и произойдет, иначе просто не может быть.

Вчерашние посетители назвавшись, и предложив некую сделку, гарантировали это. Следовало теперь лишь дожидаться оговоренного аванса, который будет подтверждением их намерений.

Первым в длинной цепочке обещанных даров. Главное, чтобы не данайских...

Но почему?

Почему они явились именно сейчас, и именно к нему?

Безусловно, он перспективен, еще относительно молод, и за ним стоит одно из сильнейших государств. А значит – будущее за ним.

Так, по крайней мере, дали ему понять.

Лесть – древнейшее оружие. Розовые очки, заставляющие закрывать глаза на серую, обыденную правду и мешающие

за разноцветной мишурой разглядеть тревожную тень опасности.

Мудрецы учат, что не следует перебивать льстящего тебе. Естественно, кто предупрежден, тот и вооружен – выстрелы странных гостей прошли мимо цели.

Но подоплека вопроса осталось нераскрытой.

Каждый преследует свои цели. Это старо как мир. Пока союзникам по пути, они остаются союзниками.

Политик потому и остается политиком, что всегда знает, каким курсом ему следовать. Когда свернуть, когда остановиться, а когда и дать ходу.

Самому себе он не мог врать, и потому в мысленном диалоге признался, что отвергнет предложение странных, но от того не менее влиятельных гостей, если где-то почует подвох.

А аванс...

Что ж, аванс, как заверяют юристы, не возвращается.

Не нужно непременно думать о худшем, но заранее перестраховаться не помешает.

Услышанное в этих, защищенных от всевозможного прослушивания стенах, могло показаться горячечным бредом, но восемнадцать лет назад он, тогда еще далеко не президент, был в числе тех немногих, допущенных к закрытой информации, и с тех пор знал, как и почему на самом деле происходят некоторые события.

Времена меняются. И тот, кто вовремя это понимает, все-

гда будет опережать своих оппонентов.

Президент нажал кнопку и негромко произнес в селектор:

– Передайте премьер-министру, что я хотел бы его увидеть...

Теперь, если все пройдет как нужно, в исторической фразе канцлера Безбородко: «ни одна пушка в Европе без позволения нашего выпалить не смеет!» можно будет смело заменить слово «Европа» на «мир».

А если все пройдет так, как ему пообещали, он станет первым президентом объединенной Европы и Азии.

Часть 3

I

Деревянная ручка с треском сломалась. Ведро тяжело упало на землю, обливая мне ноги холодной водой.

Блин, всегда одно и то же! Теперь придется делать новую. Ненавижу деревянные ведра! У меня было, конечно, одно новенькое, пластмассовое, на восемь литров – но я его берег, мало ли что, стараясь по возможности обходиться деревянными.

Но они такие неудобные! Еще и книзу расширяются, словно... не знаю, что.

Я опустил второе ведро на тропинку, и наклонился, пытаюсь хоть как-то связать веревку. Но края оказались слишком короткими, чтобы их можно было соединить.

Пришлось потратить несколько минут, чтобы убедиться в этом окончательно.

Внутри закипала злость. Я попытался взять себя в руки. Это что, совпадение? Четвертый раз, на этом же самом месте!

Секунду я размышлял. Успокоиться? Или снять стресс? Статистика утверждает, что мужчины живут меньше женщин именно потому, что скрывают эмоции, чем существенно перегружают себе нервную и сердечно-сосудистую систему.

А, будь оно неладно!

Я с силой пнул ведро так, что оно с шумом скрылось где-то в зарослях, и с наслаждением заорал во всю мощь легких.

В панике взвились птицы, возмущенно клекоча и хлопая крыльями. Прокатилось, постепенно затихая, раскатистое эхо, и замерло, растворившись в лесу.

Вот так.

Я подхватил второе ведро и не спеша отправился домой.

Дом располагался примерно в полутора тысячах шагов от водопада, где я брал воду и купался. Ежедневно, утром и после обеда.

Два неуклюжих, громоздких ведра по пятнадцать литров.

Пять на приготовление пищи, пять – на умывание, пять – на всякий случай. И еще пятнадцать – на обливание. Откуда взялась эта, в принципе, полезная привычка – я не помнил. Но купаясь дважды в день – утром и вечером, обливался все равно.

В здоровом теле – здоровый дух.

Нет, вода в доме была, но я все равно ходил набирать ее подальше.

И теперь что-то подсказывало мне, что от этой привычки придется избавляться – с одним-то ведром не совсем сподручно...

Выйдя на полянку, я в который раз посмотрел на домик.

Вообще-то, домиком это можно было назвать с большой натяжкой: строение было с трех сторон окружено широким

навесом из обожженной черепицы, забранным металлической сеткой, и вплотную примыкало к невысокому холму, с противоположной стороны обрывавшемуся пропастью.

Дом, частично утопленный в склон холма, состоял из трех комнат – широкой прихожей, или гостиной, как я ее именовал, и выходящих из нее кухни и спальни.

В общем, трехкомнатная хрущевка.

В углу гостиной, большой комнате пять на пять метров, располагался сложенный из валунов камин в человеческий рост, стоял старый диван, огромный, точно постель Мадонны, потертая шкура медведя на полу и старинные часы с маятником в рост человека, которые я окрестил Эрастом.

Ну, еще можно добавить грубо сделанный плетеный шкаф, кучу маленьких скамеечек разной высоты – от щиколотки до колена, и кресло-качалку. Тоже плетеную.

И все. С мебелью – не особо.

Слева две двери: первая кухня, вторая – спальня, она же кабинет.

Кабинет тоже не впечатлял дизайнерскими решениями: низкая кровать без спинки, разохшийся комод, тумбочка и пуфик.

Все это на площади три на два метра.

Зато кухня могла похвастаться своим отношением к цивилизации: микроволновкой, небольшим холодильничком по пояс и электроплиткой на две кастрюли. Наверное, единственными электроприборами в радиусе пятисот километ-

ров.

Добавим два стола – один у окна, другой в углу, две табуретки, и навесную полку – и картина будет полной.

А, нет, забыл еще электрический чайник! Вообще-то я им пользовался редко, поэтому наверное, и пропустил...

Все это богатство работало от двух солнечных батарей, размещенных на верхушке холма. Плюс кондиционер, ноутбук и пять лампочек – три внутри, одна на крыльце – под навесом и одна в кладовой.

Навес – вообще отдельная тема. Весь внешний край, от пола до карниза был забран прочной двойной металлической сеткой – в данных тропических условиях роскошь вполне объяснимая.

И сетчатая раздвижная дверь – в лучших японских традициях.

Сразу при выходе из дома до края навеса начинался деревянный пол из плотно пригнанных досок. Расстояние от пола до потолка метра три, не меньше. Очень удобно тренироваться в дождливую или жаркую погоду. Да и просторно – пространство от дверей до дверей метров шесть, не меньше. И в ширину – метров двенадцать. Настоящий спортзал на свежем воздухе.

В первое время я опасался отрабатывать прыжки – казалось, что зацеплюсь ногами, когда буду крутить сальто. Но потом ничего, привык.

Все это дело располагалось на поляне, формой напомина-

ющей неровный прямоугольник.

С одной стороны, как я уже говорил, у подножия отвесного холма, буйно поросшего зеленью, в своеобразной выемке, размещался дом с навесом. Холм был не большой и не маленький – в высоту метров тридцать, если считать с моей стороны. С другой, наверное, все восемьсот.

Эти тридцать метров камня вперемишку с зеленью здорово выручали – ураганы шли в основном с востока. Слева, если стоять спиной к дому – густые кусты непроходимых зарослей, которыми порос склон горы, круто поднимавшийся вверх. Напротив – зеленая громада леса с петлявшей тропинкой – единственный нормальный выход, он же вход. И справа – огромная панорама великолепного обзора.

И именно здесь я узнал-таки, каким бывает настоящий зеленый цвет! Весь диапазон оттенков – от тускло-малахитового до ядовито-салатового. И при этом невероятной насыщенности. При первом же взгляде на эту красоту становилось понятным, как выглядела наша планета до того, как деятельные человеческие руки планомерно принялись ее убивать.

И свежесть, ни с чем ни сравнимая свежесть! Первое время я просто не мог надышаться...

Да, ничего прекраснее мне в жизни не приходилось видеть!

И далеко-далеко внизу, в десятке километров, зеркало огромного озера и леса! Сплошные леса, настоящие джунгли

— с лианами и пальмами. Еще дальше — величественные горы, чьи снежные вершины красиво озарялись кармином, когда солнце, устав после насыщенного дня, бесшумно клонилось к закату. Прямо поэт...

Да, так о чем я?

Своеобразное плато, где мне выпало жить, имело метров триста в длину. И в ширину не менее двухсот.

Правый край обрывался, и почти отвесно ярким изумрудным склоном уходил вниз. Сначала эта почти полукилометровая пропасть меня ужасно нервировала, и поэтому весь первый год я занимался сооружением ограды по пояс высотой, и такой же ширины, по всей длине поляны вдоль пропасти, из валунов, а позже засадил кустами промежутки между камнями. Кусты охотно принялись, и спустя девять месяцев — нормальный срок, чтобы вырасти! я уже неумело подстригал, или вернее, подрубал их, пользуясь имевшимся тесаком.

Получилось нечто вроде огромного балкона, вполне безопасного, между прочим! Короче, ограда оказалась очень и очень к месту. Я конечно, не собирался выпадать, или еще что-то, но береженого, как говорится...

Зимы, кстати, не было, что позволяло думать, что все это великолепии находится где-то вблизи экватора.

Говорю где-то, ибо вычислять, как Сайрес Смит, свое местонахождение по расположению небесных светил я не умел, мобильник тут не ловил, а спутникового телефона, равно как и интернета, я был лишен.

Они будут мне лишь помехой, заверил Дайрон, отправляя меня в этот забытый им же край. Не знаю, что он имел ввиду – связь никогда не мешала, но допустим, ему виднее...

Яркие, ослепительные звезды в ночном небе и огромная луна – вот, пожалуй, единственные доказательства близости к нулевой параллели. Что поделать, я не был в школе первым учеником по географии. А проверить, как стекала в слив вода – по часовой стрелке или против, я все время забывал...

День мой начинался следующим образом: я, проснувшись, выпивал полкружки чаю, настоящего на травах, и легкой пробежкой, пристегнув утяжелители, бежал к водопаду, ежась от утреннего холода.

С разбегу нырял в воду, и широкими гребками плыл к шумящему потоку воды. Потом обратно. Итого – триста пятьдесят метров. Выбирался на берег, несколько энергичных взмахов руками и ногами – и бегом обратно.

Вообще-то, в той, прежней жизни я был ужасным соней – лучше лечь в два часа ночи, но встать – в десять-двенадцать. У меня даже на работе индивидуальный график имелся – в виду увеличения производительности. Сова, в общем.

А тут... Когда увидел, какую красоту пропускаю – как солнце поднимается, все само собой наладилось. Почти превратился в крестьянина допетровской Руси – ложился практически с закатом, вставал с восходом.

Готовил завтрак – рис, гораздо реже – овсянка, яйца и рыба.

Ну и фрукты. В бананах, манго, папайе и апельсинах недостатка не было. Сначала это было круто, но уже месяца через три я очень не против был бы отведать гроздь черноплодной рябины. Или обычное яблоко...

После завтрака – небольшая прогулка, или уборка – пару-тройку часов, и начиналась первая тренировка.

Сначала растяжка. Потом отработка ударов на воздух. По пятьдесят на каждый. Потом работа с грушей, самодельными манекенами вкруговую. На время. Плюс прыжки и кувырки. По четным дням.

По нечетным то же самое, только работа на силу или скорость. Иногда – просто махи ногами, с закрепленными на них грузом. Грузы крепились на ногах равномерно по всей длине – на ляжках, коленях, голеньях и так далее. А не только на щиколотках, как показывают в фильмах. Потому что достаточно лишь позаниматься некоторое время в таких утяжелителях, и, риск потерять равновесие в реальной схватке многократно возрастает.

Три маха на каждую ногу – вперед, вбок и назад, программа минимум. Плюс еще по шесть ударов – программа оптимум. И к этому еще по девять – программа максимум. Другими словами, по восемнадцать ударов на каждую ногу. Умножим на сто раз – число повторений, и на две ноги – как раз достойное занятие на пару часов.

Поработайте так хотя бы три месяца ежедневно, и ноги будут не хуже, чем у Ван Дамма. Учитывая, что я делал это

несколько лет, причем не сто раз, а минимум по двести, увеличивая при этом скорость и силу, вполне можно было бы вызвать его на поединок, не боясь проиграть.

Вот только зачем это нужно уже постаревшему актеру? Его время прошло, тогда он был на высоте. Сейчас на его место, тесня друг друга локтями пришли более молодые – Джет Ли и Тони Джиаа. Хотя нет, Ли уже тоже пенсионер...

Вот с кем бы поспарринговать...

Вспоминая себя, тогдашнего чемпиона, я мог лишь посмеиваться. Даже не посмеиваться – хохотать во весь голос.

Что значил тот уровень подготовки по сравнению с этим!

На теперешнем уровне я легко прошел бы все ступени – от сборов до финала без передышки, забыв о таблетках, и никакой Жаворонков, или компания в парке не помешали.

Тем-то и отличается профессионал от любителя – образом жизни.

После тренировки – обед. Суп и мясо, во всех его проявлениях. Посты, как Малый, так и Великий, да простит меня грешника Патриарх, обходили меня стороной.

Шашлык, паштеты, вареное, печеное и жареное. Немного напрягало отсутствие лука. Я вообще-то не слишком его жаловал раньше, а вот теперь – придавило. Но ничего, сначала обходился, а потом нашел способ...

Что касаясь мяса, я стал в нем экспертом. Птица, травоядные, иногда хищники – за время, проведенное здесь, я перепробовал, поверьте, весьма и весьма многое!

Охота, батенька, великая вещь! Тем более, с копьем.

Дайрон, с умным видом рассуждающий об атомном оружии, не удосужился оставить мне хотя бы плохонький пистолетик, не говоря уж о ружье! Или его планы предусматривали, чтобы я, словно Тарзан, носился по джунглям, издавая душераздирающие вопли, случись мне треснуть какую-нибудь газель камнем по башке?

Но так или иначе, уже через полгода я свободно мог голыми руками завалить дикую свинью или тара – ближайшего родственника козла. Голыми руками в переносном смысле, – я подразумеваю, конечно, под этим холодное оружие – копье или тесак.

А позже, спустя еще год, уже в буквальном, – однажды получилось убить кулаком самого страшного кабана.

Это не жажда крови и не извращение, просто ему не посчастливилось напасть в самый неподходящий момент...

Я опешил, но тело отреагировало само: тюк! и готово.

Да, ему не повезло. Но напади он годом раньше, не повезло бы мне.

А копьем да, все-таки было как-то сподручнее...

Самое сложное, вовсе не убить дичь.

Самое сложное – это освежевать и затем убрать за собой. Сначала я делал это возле дома – надрываясь, таща тушу черт знает куда, и потом по полдня избавляясь от следов, но подумав, упростил задачу.

На берегу реки устроил из плоских камней нечто вроде

стола, все лишнее сбрасывал в воду, и вуаля! Правильнее, наверное, было бы закапывать – но хищники почуют, и опять же много возни. А постоянно очищать место огнем... ну его!

А хищники, да, были.

Неоднократно попадались какие-то здоровенные коты, один раз мелькнуло нечто, очень похожее на спину леопарда или барса, и несколько раз – медведя. Ну и конечно, кабаны.

Одно время я пытался заниматься выделкой шкур. Если получилось бы со свиной кожей, можно подумать и поохотиться на более интересных экземпляров.

И потом, как товарищ Крузо, расхаживать в модельном облачении. Учитывая многообразие и необычность местной фауны, прикид вышел бы что надо!

Но пытаться и сделать – две большие разницы.

Технологии я не знал, помнил лишь, что вроде бы для этих целей используют соду или кислоту... Раньше вообще выдерживали шкуры в моче. В Древнем Египте возле таких мастерских стояли чаны с уриной, и каждый уважающий себя египтянин, проходя мимо, должен был отметиться, расстаравшись хотя бы на полстакана.

Но у меня ничего не получалось. Ни соды, ни кислоты, кроме собственной желудочной, не было.

То есть, наверное, были – в окружающей среде, но как отсюда их извлечь, я не знал.

Несколько неудачных попыток в конце концов закончились тем, что я, мрачно созерцая распростертую, мерзко во-

няющую шкуру, отлил на нее, завернул внутрь камень, и запулил с обрыва.

После обеда отдых. Или прогулка.

В четыре часа, как в детском саду – полдник: холодный чай, сушеные фрукты, и в шесть-семь – вечерняя тренировка.

Гантели и штанга, турник и брусья. Этого добра тут было в избытке. Не знаю, откуда все это взялось, кто приволок, и сколько пупов при этом развязалось, но выглядел спортивный инвентарь вполне современно.

В один день качались сгибающие мышцы верхней части тела, в следующий – разгибающие. Потом два дня – на нижнюю часть. Пресс и шея – каждый день. Иногда, впрочем, график менялся.

К концу своего пребывания в этом райском месте, я уже осваивал гантели весом по семьдесят пять килограммов, выжимая их по двадцать раз.

Начинал я с двадцати подтягиваний и семидесяти отжиманий. Через два года я с легкостью подтягивался восемьдесят раз, или десять – на одной руке. Отжимался пятьсот раз на кулаках или пальцах. Или двести на одной руке.

Не могу сказать, что я оброс мышцами – уж это вряд ли.

Хотя если судить по фотографиям, сделанным камерой ноутбука (камера в телефоне, к сожалению, забарахлила), прогресс все-таки был. Главное, что наконец проявился пресс – раньше, сколько я его не качал, жирок на животе

мешал увидеть те самые возжеленные кубики, от которых должны млеть девушки на пляже.

Перед сном – пробежка. Пятикилограммовые утяжелители на щиколотки – при беге можно, восьмикилограммовый пояс и рюкзак, с уложенной туда двадцатипяткой от штанги. И наручи, тоже кило по восемь каждый.

И нагруженный металлом, словно пионер на субботнике, я пробегал по пятнадцать километров в день, или вернее, вечер, таща на себе ни много ни мало, почти шестьдесят килограммов.

Главное, было определиться с маршрутом. Ночью лазить по горам с полуцентнером железа на горбу, знаете ли...

Тренировки, тренировки, тренировки. Изометрия, статика, динамика. Скорость, сила, точность. Гибкость, ловкость, резкость.

Еще растяжки. Рук, ног, позвоночника. Когда я выиграл первенство области, я мог, как следует размявшись, сесть в поперечный шпагат. Это несколько сложнее, чем продольный – когда ноги раздвигаются в направлении ходьбы, как задумано эволюцией.

Сейчас же получалось легко висеть в шпагате, словно тот же Ван Дамм между стульев, и мои ноги при этом образовывали угол в сто пятьдесят градусов. Как в продольном, так и поперечном. Любая гимнастка бы позавидовала. Единственное, чем я не обладал – так это их воздушной грацией. Но ведь возможно все, не правда ли?

Научился свободно стоять и легко выпрыгивать в шпагате, а ведь раньше такое казалось мне невозможным!

Между прочим, в ноуте были фильмы с Ван Даммом. И пересмотрев их, того самого шпагата я так и не увидел. Всего лишь ракурс камеры.

В общем, Ван Дамм и шпагат – это заблуждение. Кто не верит, пересмотрите. Единственный, более-менее продолжительный, в «Патруле времени».

Да и бьет он все время с правой ноги...

Нет, никаких претензий к актеру. Но все же.

...Когда не ходишь на работу, свободное время можно употребить с толком!

Наконец-то я смог выполнить трюк, которым хотелось впечатлить окружающих, и который раньше никак не давался – я смог поднимать ногу выше головы, и удерживая ее, завязывать шнурки на ботинках! Ботинок и шнурков не было, поэтому за неимением их я пока просто почесывался.

В общем получится у любого, нужно только время и усилия.

Чистый, не отравленный промышленностью воздух, простая здоровая еда, тренировки и сон. Начинающийся с наступлением темноты и прекращающийся с рассветом.

Я слился с природой воедино, стал ее неотъемлемой частью. Напрочь исчезли сопутствующие атрибуты города – головные боли, недомогания и плохое настроение.

Я забыл, что такое изжога и отрыжка, нервы и несобран-

ность. Все было четко и понятно. Теперь понятно, что имеют ввиду старцы, медитирующие по сорок лет кряду среди облаков, когда к ним приходит сатори.

Сначала я ходил в одежде, затем поняв, что материя быстро придет в негодность, а с магазинами тут было не густо, постепенно избавился от нее.

Да, хоть с природой я и слился, но не настолько, чтобы расхаживать без штанов! Поэтому последние в качестве бонуса решено было оставить. Как компенсацию за все остальное. Исчезнувший жирок, ровный загар и здоровую кожу. Без угрей и складок – неотъемлемых, к сожалению, спутников городских жителей.

Потом прошло еще пару месяцев, и стало ясно, что штаны скоро закончатся – материя стала протираться. Поэтому пришлось обзавестись порядочным куском материи противного желтого цвета, и делать набедренную повязку.

Выглядело это довольно дебильно – загорелый чувак с намотанной вокруг бедер занавеской канареечного цвета. С другой стороны диагноз поставить было некому – со свидетелями, слава Богу, было напряженно.

Тут-то я и узнал, что такое портянка! Поскольку эта занавеска по факту была самой, что ни на есть настоящей портянкой. А куда ее мотали, другой вопрос. И мотать нужно было учиться – иначе уже через час начинались мучения. Куда деваться, научился.

Спал я, естественно, без этих оранжевых труселей. И

один...

Еще один немаловажный момент – ни лихорадки, ни малярии и прочей гадости мне посчастливилось не подцепить. И это при том, что прививок мне не делали. Очевидно, Дайрон решил сэкономить на сыворотке и шприцах...

Не было змей, пауков, скорпионов и прочей летающей и ползающей дряни, которая любит жить вдали от человека, и зачастую напоминает ему об этом в самый неподходящий момент. Например, в постели. Или в туалете.

Кстати, насчет удобств. Под навесом имелась пристройка, где были душ и туалет. Улучшенной планировки – в разных кабинках.

Смысл туалета представлял собой наклонное отверстие, которое выходило из каменного сифона, наверное, где-то с другой стороны горы. Вот так идешь себе идешь, поглядывая на небо и любуясь природой, а тебе письмо... Даже правильнее будет сказать, посылка.

Зато не было запаха.

И ничего нельзя было ронять в очко – вероятность возврата равнялась нулю.

Вода бралась из бака, в который попадала от ручейка, стекавшего сверху. Позже, через три года, я придумал, как сделать ванну. Не в том смысле, что понадобилось тридцать шесть месяцев, чтобы решить проблему, просто не было такой необходимости.

И стирка. Конечно, проблема не стоит так остро, если

четыре пятых всего гардероба глубоко спрятаны под сло-
ем нафталина, но и штаны, и трусы, и эта проклятая ска-
терть-портянка, что ни говори, требовали к себе внимания.
В гигиеническом смысле. Это в далеком детстве я наивно
полагал, что для стирки (как, впрочем, и для умывания) до-
статочно лишь воды!

Ну а поскольку не только «Тайда», но и «Лотоса» не бы-
ло, методом долгих проб и ошибок я пришел к тому, чтобы
использовать голубоватый налет, скапливающийся на коре
некоторых деревьев, там, где ветви выходят из ствола. О том,
что это вполне могли бы быть экскременты представителей
местной фауны, я предпочитал не думать. Но так или иначе,
этот налет здорово помогал.

Позже, когда я обнаружил поселение, увиденный метод
стирки меня не вдохновил: они раскладывали свои смокин-
ги на камнях и что было сил, лупили по ним плоскими пал-
ками. Без малейшего намека на моющие средства.

Не знаю, может это и круто, но мне казалось, что если как
следует избить одежду, максимум, чего можно добиться, это
проявления в виде дыр ее недовольствия.

II

Время шло, сезон дождей сменялся сезоном ветров, ино-
гда температура опускалась градусов до десяти – не знаю,
возможно ли это вблизи экватора, а иногда и подскакивала
до сорока в тени.

Единственным желанием, или правильнее будет сказать, опасением было сохранить ноутбук в рабочем состоянии. Поскольку ни программных дисков, ни запчастей тут, естественно, не было.

Как и книг. Бумажных.

А на жестком диске была богатейшая библиотека. Как литературы, так и музыки. Фильмы, опять-таки. Не только боевики.

Читать, конечно, сначала было непривычно, а потом ничего, привык. Хотя это и не планшет, разумеется. Насчет музыки тоже повезло: обнаружилось столько прекрасных композиций, о которых я, к своему стыду, даже не слыхал!

В общем, можно было не скучать. Я и не скучал.

Потому что особо было некогда.

Раз в две недели я снимал свои солнечные портки, надевал становившуюся все теснее одежду и наведывался в деревню, расположенную у подножия противоположного склона горы. Километрах в двадцати, если в обход, огибая гору по спирали.

По прямой, естественно, гораздо короче, но требовался вертолет. Или парашют.

Несколько десятков одноэтажных домов, одни из камня, другие деревянные – вот и вся деревня. Если оценивать достаток «граждан» по десятибалльной шкале – ноль целых пять десятых.

Куры, индюки и фазаны с подрезанными крыльями, ко-

пошащися в пыли, с завязанными на лапах разноцветными, выгоревшими под палящим солнцем ленточками.

В центре – почта, магазин и школа. Три учреждения в одной комнате, или правильнее будет сказать, помещении.

Единственным, наверное, покрытым крашеными голубой краской, и местами проржавевшими листами металла. Остальные дома венчала черепица или солома напололам с широкими пальмовыми листьями.

Центр, так сказать, достатка и изобилия...

Темнокожая от загара старуха Айира, и Дийен, ее сын, или Дэн, как он себя называл, невысокий, постоянно улыбающийся разбитной мужичок лет пятидесяти, совмещали, как Юлий Цезарь, множество функций: одновременно были хозяевами, учебной частью, почтальонами и продавцами.

Открытую улыбку Дэна несколько портили торчащие во рту обломки зубов и половина левого уха, результат то ли драки, то ли схватки с медведем, а в остальном – обычный человек.

Я приносил им какие-то листья, плоды и маленькие сиреневые цветки – однажды увидел все это в ихней лавке: такое, судя по всему, нигде больше не росло, – а у меня имелось в избытке, и менял на то, что мне надо – антисептики, чай, крупу, соль, сахар и прочую мелочевку.

Хотя антисептики я брал лишь раз, и больше они мне не понадобились.

Но об этом чуть позже.

Айира была учителем, – когда дети к ней приходили; Дэн торговал, а почта... это почта. Притом, что из всего, что могло иметь хотя бы отдаленное отношение к почте, в поселке были лишь низкопробная серая бумага, нитки и голуби.

Регулярно ниспосылавшие жидкие письма с небес.

Раз в десять дней приезжал какой-то мачо на разбитом мотороллере, привозил и забирал письма и посылки, наскоро выпивал поднесенный старухой в маленькой кружечке отвар – то ли кофе, то ли что-то алкогольное, и погрузившись, с тарактеньем отбывал восвояси. Его приезд и отъезд был целым событием – сбегалась половина населения, с завистью разглядывая его немолодого коня.

Их можно понять – на всю деревню был один старый, неработающий пикап, ржавевший на соседней «улице», который местные приспособили в качестве стола или алтаря во время своих многочисленных праздников, и в котором постоянно возились голожопые дети.

Что бы они, интересно, сказали, если б я въехал сюда на своем авто?

Скорее всего, ничего, потому что пробраться по всем этим склонам не способен даже танк.

Национальность определить я затруднялся – это было что-то древневосточное – смесь индусов, корейцев и арабов.

Люди ходили в обычной одежде – шорты, шлепанцы, футболки. Только все это было самодельным, либо вытканым из шерсти, либо плетеным. Лишь избранные патриции носи-

ли на своих телесах заводские вещи, и то, в основном Китай.

А иначе как объяснить слишком уж крутые бренды, мелькавшие на их смуглых телах?

Иногда, пару раз, правда, довелось видеть голых по пояс женщин, к обвисшим грудям которых было прилеплено по ребенку. И никаких набедренных повязок или боевой раскраски. Но, по-моему, это так же присуще нашим деревням.

Если никто не обращает внимания, значит, все в порядке.

Первое время на меня пялились, как на панка в сельской церкви, а потом ничего, привыкли. Ну естественно, я же ходил пешком! В шлепанцах, как и все.

Я, если честно, сначала презирал этих поселян. В глубине души, конечно. Но при все при этом не мог четко сформулировать, за что.

Наверное, за контраст? За то, что я такой крутой, накачанный и цивилизованный, а они, словно мыши, шмыгают туда-сюда, выпадая в осадок при виде кипятильника? Или за их низкий уровень жизни? Или за коллективные развлечения вроде незатейливого веселья в виде танцев, песен и посиделок у костра под монотонные байки стариков?

А может, мне просто не нравилась их привычка есть руками из общих чашек во время праздников или громко смеяться?

На этот вопрос ответа не находилось.

Но я так же продолжал обменивать товар, изредка появляясь, так же здоровался, и так же прощался.

Приходил, выгружал Дэну «добычу», а он выдавал мне необходимое.

Эквивалента к обмену не было: я просто отдавал все, что лежало в рюкзаке, и брал, что понадобится. Из всего этого я заключил, что мои цветочки-листки имели в деревне огромную ценность.

Ко мне привыкли, я привык к ним. Их перестал удивлять мой яркий рюкзак, облегающие очки от солнца – последний писк моды, и телефон с наушниками.

Но какой-то холодок, что ли, оставался.

Потом, спустя какое-то время, присмотревшись к их быту и поведению, я изменил свое мнение.

Эти тихие маленькие люди все время чем-то занимались. Трудились, не покладая рук. Уборка, стирка, стройка, готовка, кормежка, шитье-пряжа и еще стопятьсот подобных дел. Ни пьяных драк, ни наездов, ни разборок.

Всегда приветливые и вежливые, кланяются, здороваясь на своем языке.

Ну, я посмотрел, посмотрел, и мне стало стыдно. За свои мысли, о которых я никому не рассказывал.

И как-то притащил им два пакета и рюкзак того, что росло там у меня, чему я не придавал значения, и что так ценилось у них. И отказался брать продукты.

В общем, за просто так, как в мультике.

Что началось, нужно было видеть! Дэн позвал мать, она что-то пронзительно закричала, подзывая остальных. Ста-

рушка улыбалась, прижимая темные ладони к морщинистым щекам.

Ну, все засуетились, захлопотали, и когда я по-тихому собирался свалить, схватили меня и потащили куда-то, собираясь угощать. Собрали полный рюкзак подарков, и таким образом, моя идея с дарами в одностороннем порядке провалилась.

И с того самого времени все стало на свои места. Я был своим, меня все приветствовали, я приветствовал всех тоже, так и жили.

Я перестал сторониться от детей, познакомился с ним, угощая их разными гостинцами, иногда давая послушать музыку или подержать рюкзак. Очки, правда, давать не рисковал, и подходя к деревне, прятал их подальше.

– Какобытна? – с китайским акцентом спрашивал меня Дэн, когда я, поздоровавшись, шмякал рюкзак на длинный стол, служивший прилавком.

– Как обычно, – подтверждал я, расстегивая молнию.

Дэн зашелестел свертками. Выкладывал мое, и загружал свое. Ни разу, причем не ошибаясь.

Это что ж, выходит, чем дальше от цивилизации, тем честнее?

Вот интересно, не правда ли, удивительно, что параллельно с развитием общества развиваются также такие негативные человеческие качества, как ложь, подлость и лицемерие?

Повышая, так сказать, качественный уровень.

– Роти, пхул, маритш, тхамал, тшани, – монотонно перечислял Дэн, укладывая в рюкзак хлеб, яйца, перец, рис и сахар.

Подозреваю, что если б я приходил просто так, просить продукты, мне бы их давали бесплатно.

– А лучок? – с надеждой спрашивал я. – Пиядж?

Дэн качал головой.

– Потом. Позже.

– Эх, нету чиполинки... – горестно вздыхал я, застегивая рюкзак.

Сельское хозяйство, нечего сказать! Деревня называется... Как говорится, свинство и скотство в полном его проявлении.

Насчет определения лука я не ошибался, однажды показав Дэну картинку с изображением луковицы в его же книге.

– Куррар, – Дэн давал связку мягких сероватых корешков, толщиной в большой палец.

Их следовало ободрать, что было несложно, вымыть, естественно, и можно употреблять в пищу. Я, к примеру, нарезал тонкими колечками...

На вкус это напоминало лук, только более слабый, не такой выраженный вкус, и резкий, не очень приятный запах. Который, впрочем, исчезал при термической обработке.

Заменитель так себе, но иначе, я б, наверное, и не протянул.

Не представляю, как я мог раньше жить, не обращая внимание на лук!

Впрочем, с кофе была подобная ситуация. Но к счастью, выраженная не так сильно.

Кофе, который готовила Айира, я пить не смог.

Попробовал один раз, и мне хватило.

– Вот! – Дэн с гордостью показал мне баночку «Кока-колы».

Я отрицательно покачал головой.

– И тебе не советую.

Дэн не понял, и улыбаясь, закивал.

Ну вот, и до них добралось. Уверен, что никакой напиток по своей полезности и близко не подойдет к тому настою, которым бабка потчевала почтальона. А вот по вкусу, конечно, да, им вряд ли сравниться...

Индейцам в свое время тоже понравилась огненная вода.

А чтобы сознательно отказаться от чего-либо, нужно, как известно, через это пройти. Лучше б лук жевали...

Между прочим, хоть я и встречал в поселке покуривающих трубки стариков, пьяных не видел никогда, притом, что почти каждая семья гнала самогон. Или что там еще можно гнать.

– Вот. Полутили. – Дэн протянул мне картонную коробку. Наконец-то! Приехал детский бассейн. Ну, все!

Теперь у меня будет ванна.

Хоть одна приятная новость на сегодня.

Ждал я его больше двух месяцев. Увы. И еще два месяца перед тем ушло на то, чтобы объяснить, что именно мне нужно. Шесть раз, нарушая свой график посещений, я приходил, чтобы выловить того письмоносца на мопеде – и ему кое-как объяснял.

И объяснил-таки, когда догадался принести ноутбук, в котором всю ночь перед тем рисовал этот бассейн.

Рисуй я получше, так и бассейн бы покруче достался. А так, привезли, если судить по коробке, той же розовой расцветки, как и на моем рисунке.

Е-бея тут нет, супермаркетов тоже, так что спасибо и на этом.

Вывод?

Прилежно учите в школе географию, химию, физику и языки. И рисовать учиться тоже.

Дэн выжидающе поглядывал на меня, очевидно ожидая, что я брошусь рассматривать содержимое. Однако пришлось его разочаровать. Вскрой я коробку, и сюда сбежит половина деревни, которая видела подобный материал, наверное, лишь на крышках. И резинках от трусов.

Под его горестный вздох я запихал коробку в рюкзак. Неудобно, и продукты тащить в руках, но нести ее подмышкой через поселок не хотелось. Выйду, и переложу. А коробку принесу в другой раз и подарю.

Пусть утешится.

Нужно отдать ему должное – он терпеливо ждал моего

прихода, не пытаясь залезть туда своими лапами. Представляю, через какой соблазн ему пришлось пройти!

Что меня удивляло, так это почему жители сами не ходили в горы за своими листьями и цветками? Учитывая спрос на все это, вполне можно было организовать экспедицию и загрузиться впрок на несколько лет. Может, верх для них табу?

– Еще что надо? – спросил я его.

Некоторое время он размышлял. Потом показал мне на висевшую за его спиной изрядно побитую мухами голову буйвола.

– Раангаако. Тшаахину раангаако.

Ему что, нужен буйвол?

Я развел руками.

Дэн зажестикულიровал. Показывая на буйвола, тыча пальцами ему в глаза и себе, и изображая охоту.

– Раангаако. Дуй акха.

Некоторое время мы определялись с заказом.

– Глаза буйвола? – уточнял я, указывая на голову и себе на глаза.

Дэн часто кивал.

– Хо.

– Окей, – сказал я. – Как получится. Договор заключать не будем.

Попрощавшись, я отправился домой, по дороге обдумывая просьбу.

Убить буйвола это не кролика поймать.

Во-первых, его нужно найти. Ну, как раз это не так уж и сложно. Найду. Если он не в ихней Красной книге...

Во-вторых, буйвола нужно убить. Это сложнее, тем более, если он не один. Разъяренный буйвол куда хуже быка на корриде. Да и что делать потом с тушей? Просто убить, отрубить голову и притащить ее Дэну? А как отрубить? Пилить ее тесаком? Но это как-то бессмысленно выходит!

Нет уж, сначала дождусь, пока мои запасы мяса подойдут к концу, и уж тогда-то отработаю буйвола. В два-три захода притащу тушу домой, и повешу в пещере, куда никакие мухи не долетают. А голову – в поселок. Пускай сами глаза выковыривают.

Все дорогу я размышлял, зачем Дэну понадобились глаза буйвола. Не перепутал ли я чего? А то будет! Вдруг у них это священное животное, как говядина у индусов?

С другой стороны, раз одна голова висит у него, и я не замечал, чтоб он на нее молился, значит, найдется место и второй.

Вот только как его убить... Кулаком по головушке? Может, и убью, но не рискну. Страшно потому что.

Сухие четырехсантиметровые ветки я разбивал свободно. Как ребром ладони, так и кулаком. Но опыта избиения буйволов у меня не было. Есть копье, есть тесак, есть топор. Даже два. И камни.

Прицельно кинуть ему сверху какой-нибудь, и все, пишите письма.

Но камушек нужен килограмм под сорок, не меньше. Металлический блин, который я таскал в рюкзаке, с этой задачей может и не справиться.

Еще можно использовать бревно. Как в фильмах. Только вот махать с ним... Вырубить, вытесать – целое дело.

Короче, дождусь, пока подвернется случай, а там будет видно. Я, в конце концов, не работник по найму. Пускай пока довольствуются цветочками и листьями!

* * *

Время потихоньку шло, и теперь у меня было много времени, чтобы все как следует обдумать. Чистый воздух и спорт вообще способствуют мышлению. Если, конечно, последнее в удовольствие.

Вас никогда не интересовал вопрос, почему грузчики вкалывают-вкалывают, таскают-таскают, едят-питаются, а до любого, даже самого завалящего культуриста, им как до Киева... от Мельбурна?

А потому что культурист занимается для себя, и с удовольствием, а грузчик вынужден делать это, с ударением на слове «вынужден».

Логично, не правда ли?

Так вот, сейчас думалось мне в удовольствие, и также с удовольствием я анализировал происшедшие события.

На повестке дня стоял главный вопрос – почему же Дай-

рон не забрал свое тело? У загадочных господ граморов. Можно придумать множество причин, но суть остается – если он собирался вернуться за ним, почему же так и не вернулся?

Почему мы, имея прекрасный самолет, не отправились за этим телом, где бы оно не находилось?

И почему ему понадобился я? Потому что едва не задавил его? Или потому, что невольно оказался его первым знакомым?

Сто «почему». Можно размышлять тысячу лет, пытаюсь нащупать ответ, но как узнать расстояние, не имея точки отсчета?

Нужны вводные данные.

Дайрон, Дайрон... Бог планеты, или же странный мистификатор, посредник между человечеством и не-людьми?

Если он Бог, для чего ему помощники? Если другие расы – потенциальная угроза человечеству, почему он их не уничтожил, или хотя бы не загнал в резервации – мера крайне жестокая, но действенная, если уж говорить о безопасности.

Да и Бог ли? Что такое вообще Бог?

Я никогда не задавался подобным вопросом. Тот, кто создал мир? Вселенную, или Землю? Или тот, кто имеет сверхчеловеческие способности? Умеет вызвать молнию, читать мысли и управлять банкоматами?

Дайрону я верил. Безусловно. Но... У меня не было должного пиетета, трепета перед ним, так как это положено смерт-

ному. И наверное, любой из нашей скороспелой компании мог похвастаться тем же. Особенно Джейсон.

За все время должное почтение выказал лишь Патриарх, который и видел-то Дайрона от силы пару раз! И то издали. С другой стороны, кому как не ему, это положено по статусу...

Да и в конце концов, называя Бога по имени, как-то что ли, опускаешь его до своего уровня...

Или это полубог? Четвертьбог? А в чем различие? Сам-то Дайрон просвещать нас не торопился.

Несомненно, даже среди таких сверхсуществ, есть, должна быть иерархия. Я в этом был уверен. Боги, надбоги, подбоги...

Если Дайрон молчал, то уж члены Manu Dei, которые обязаны были владеть подобной информацией, и подавно спрятались, словно устрицы. Оба, и Гарри, и Марго демонстрировали, что подобная информация их не касается. Что, давали клятву молчания?

Или, может, у них просто не принято обсуждать подобное? Корпоративная этика? Как в дружном коллективе не обсуждают сотрудника-калеку...

Единственное утешение было в том, что все придет со временем. Вот только было ли у меня оно, это время?

И были, или есть ли другие Боги? Граморские, например... Вон, вампиры же мечтают возродить свое божество – какую-то там Мать?..

И почему информация обо всех этих гулах и логусах на-

ходится за семью печатями? Зона пятьдесят один в глобальном масштабе!

Собрание один, собрание два... На первом принимают решение о создании античеловеческой «коалиции», на втором – решают, как именно воплотить этот план в жизнь. Что ж, напрашивается вполне разумный вывод – должно еще быть третье собрание, которое послужит рычагом для того самого воплощения.

И если члены собрания окажутся такими же бюрократами, что заседают у нас в правительстве, ближайшие лет двадцать можно спать спокойно.

Да, попади туда любой коррупционер из наших (а кто сказал, что логусы не могут быть коррупционерами? Может, их полным-полно в правительстве! Вон, как Хельга Груббер), идея умрет, так и не родившись.

Они раскрадут все, что можно, оставив несчастным Безликим и гулам лишь голые стены, табуретку и лампочку. И конспекты с планами по захвату Земли. И те будут находить, как сказали классики, утешение в пошлой пословице: бедность – не порок.

Хорошо, если так. Но вряд ли так будет.

Безусловно, все дело в мотивации. Которая приведет к тому, что власть либо украдут, либо захватят, чтобы, уже вполне законно, на правах сильного, свободно взять то, что понадобится.

А уж как и что при этом залиют в уши окружающим, дело

десятое.

Но что народ по первости будет восторженно приветствовать вампиров и гулов, я не сомневался. Кто и что будет видеть при этом, не важно. Важна, как я уже сказал, мотивация.

Вот вам пример.

Один профессор, еще в советское время, проводил психологические эксперименты. Над студентами. (Ясное дело, больше было не над кем!).

Так вот. Он вывез в поле студентов – тогда это называлось громким словом «практика», дал им лопаты и говорит: копайте ямы, метр на метр на ноль пять в шахматном порядке.

Ну, те копают. День, другой. А профессор лежит себе в тенечке, курит. Или читает. Передовицу о себе колхозников.

Студенты начинают роптать. Зачем, спрашивается, этот бесполезный труд? Профессор им тогда говорит: я вам плачу столько-то, только копайте.

И действительно, платит.

Те опять копают. Ям становится все больше, как и вопросов. Поле-то, оно русское, обширное! А профессор, хитро улыбаясь, привозит еще студентов, дает им лопаты и командует: закапывайте.

И вот картина: поле, жара, одни роют ямы, другие идут следом и засыпают. Здорово, да? И вторые, естественно, нагоняют тех, первых.

И тут первые, копачи, не выдерживают: так, мол, и так, как это, к такой-то матери, понимать, мы тут роем, а те за-

рывают! Орут, короче, возмущаются по полной программе. А деньги, заметьте, за рытье ям исправно получают! И еще те подпрыгивают, что зарывали следом за ними.

Начинаются громкие разборки.

Им же, как и любому нормальному человеку, не загнанному в рамки безысходности, очень не по душе бессмысленность работы!

Тогда профессор усмехаясь, доверительно сообщает «тайну»: тут где-то находится какой-то ужасно ценный кабель. И вот его нужно найти. Понятно?

Еще бы не понятно! Все тут же хватают лопаты и роют, роют, роют... Никакого, ясное дело, кабеля не находят, но зато все понятно, четко и приятно.

На здоровье.

Вот тебе и мотивация.

В нашем случае все несколько сложнее – вампиры и их коллеги по цеху не студенты, лапшу о кабеле им на уши не намотаешь.

Любой, даже самый хитроумный расклад наших политиков, вздумай они гнуть свою, не совпадающую с чужими линию, обернется им же на погибель.

Закулисные интриги стары как мир. И кто, как не долгожители, лучше остальных знают те потайные пружины, что приводят их в действие? А добавить к этому всякие там гипнозы и отводы глаз, и все, крышка гроба с грохотом захлопывается.

Кроме того, кто сказал, что наши политики не владеют информацией о чужих? Или что тех же чужих нет в правительстве?

В итоге, придет конец той жизни, которую мы так ругаем, и к которой так привыкли. Хорошо это или плохо? Наверное, плохо, поскольку другие расы тут же начнут преследовать свои цели, одна из которых слегка проредить население, путем поедания-выпивания оного.

Поднимите руку, кто хочет, чтоб его съели! Разве что какой-нибудь извращенец-каннибалофил? Я, например, не горю желанием.

Это могло бы произойти раньше, и может, даже происходило. Но тогда на страже стоял Бог Дайрон, который взмахом руки останавливал не в меру распоясавшихся авантюристов-гурманов.

Почему же именно теперь эта практика дала сбой? Дайрона подкосил старческий маразм, расстроил планы не вовремя проснувшийся радикулит, или же подпортил настроение выросший ноготь?

Кто знает...

Тогда, в самолете, Дайрон рассказал много интересного, в том числе, и о собраниях. А позже, в ноутбуке, я нашел весьма познавательные документы. Правда, кто автор, осталось загадкой.

Итак. Первые, то бишь, руководители рас, получали извещение, или Весть, предлагающее поучаствовать в Собра-

нии. Такие собрания проводились раз в десять лет, каждую последнюю субботу марта на протяжении нескольких сотен лет.

Фактически, Собрание должно было проводиться в году, оканчивающемся цифрой семь. Другими словами, последнее было в две тысячи седьмом году, а следующее, соответственно, должно было проходить в две тысячи семнадцатом.

От каждой расы, или (если вспомнить учебник по биологии), каждого вида, сколько-нибудь имеющего влияние на социум, присутствовал полномочный представитель.

Даже правильнее будет сказать, не имеющего влияние, а могущего основательно попортить кровь остальным.

Людам то есть.

Чтобы понять, откуда вообще появилась эта, образно выражаясь, традиция, мне пришлось окунуться в историю, забыв об «официальной» версии тех событий, которые были предложены человечеству. И заглянуть в прошлое.

Я не претендую на правдивость этих сведений, а говорю лишь о том, что нашел в компьютере.

Итак, немногие дошедшие до нас документы, представляющие немислимую ценность для историков и датированные VII веком нашей эры, упоминают о схождении Благодатного Огня в Великую Субботу в городе Иерусалиме.

Об этом слышали все: Господь возжигает в лампаде, спрятанной в толще каменных стен, святой огонь, который, перенесенный на любую свечу или факел, первое время не об-

жигает. Напротив, этим огнем можно излечить множество недугов.

Но человечество знает лишь о верхушке айсберга.

О подводной же части известно очень немногим.

Западнее, в тот же самый день, и тот же самый час, на том месте, где через сто лет возникнет Папская область, впоследствии государство под названием Ватикан, в небе расходятся облака, и ослепительный солнечный луч озаряет место, где позже возведут одну из величайших святынь нашего времени – Собор Святого Петра. Пока там возвышается лишь древняя базилика – память о правлении первого христианского императора Константина, и рядом с нею небольшой собор, возведенный над могилой Святого Петра, мученически погибшего в цирке Нерона.

Небеса посылают свет такой мощи, что спустя минуту, когда луч исчезает, истертые каменные плиты продолжают испускать слабое сияние, которое окончательно исчезает лишь к рассвету следующего дня.

Явления, подобные этому, происходят одновременно в разных точках земного шара и следуют ежегодно: Бог являет смертным свое расположение.

На логичный вопрос, почему это происходит в седьмом веке, а не первом, напрашивается столь же логичный ответ: не тогда ли Дайрон обрел божественную силу, если ему, по словам Джейсона Элдриджа, около полутора тысяч лет?

Вся эта иллюминация будет продолжаться до тех пор, по-

ка однажды, сначала в Иерусалиме, а спустя несколько лет и в Риме, некие неизвестные личности, ужасно богохульствуя, не обвинят Господа во всех бедах и грехах человечества, голоде, войнах и болезнях.

Что касается голода, войн и болезней, таковые хоть и присутствовали, но вряд ли являлись результатом вмешательства Дайрона; скорее было это неизбежным следствием той жестокой эпохи.

А вот массовые смерти, красно-черной нитью обвившие этот отрезок тысячелетия, не слишком вписывались в общую картину.

Кроме того, достоправная эпоха порнокрапии, или правления блудниц – времени, когда женщины семейства Теофилактов, – римских аристократов, имели огромное влияние на тогдашних понтификов, пришлось на тот же период.

И Дайрон воспользовался сложившейся ситуацией, опираясь на эти, в общем-то, нерадостные события, как на повод отвернуться от человечества. Другими словами, перестал являть массам свои знамения.

Станный, не совсем логичный поступок, но, тем не менее, факт остается фактом: Бог покинул арену событий.

Короче, несколько лет неграмотный народ, разинув рты, безуспешно дожидался чуда.

В эпоху, когда не только интернет, но даже и газеты еще не могли оказать своего благотворного влияния на жаждущие зрелищ массы, новости передавались самым надежным

путем: из уст в уста.

И немногочисленное тогда еще население, возможно и с чьей-то подачи, облетела ужасная весть: Бог отвернулся от них, пошедших на поводу у нечистого. А болезни, войны и голод — это наказание, воследовавшее за дьявольские наущения.

Некоторые, впрочем, утверждали, что если церковь, погрязшая в грехах, стоит нерушимо, и кара не пала на головы первосвященников, значит, Бог на ее стороне.

В общем, смятение прочно поселилось в непросвещенных умах людей, и того и гляди, норовило выбраться наружу.

Когда же Дайрон вероятно, решил сменить гнев на милость, обнаружилось, что он опоздал: предприимчивые священники уже научились собственноручно добывать Благодатный Огонь посредством взаимодействующих химических элементов, и помпезно являть его наивной пастве.

Церковь качала мускулы.

Что же до божественного света, некогда озарявшего будущую площадь Святого Петра, и прочих святых мест, тамошние церковники популярно объяснили народу, что до тех пор, пока тот не покается в грехах и не преклонит колени пред Церковью (читай, не подкинет денег в ее закрома), спектаклей чтоб не ожидали.

Ну еще бы! Голографический проектор тогда было достать проблематично... В общем, за билеты нужно платить.

И пошло-поехало.

В тысяча пятьдесят третьем году патриарх Константинопольский Михаил Керуларий дает команду закрывать в Константинополе латинские церкви.

Причиной конфликта стали разногласия, точнее, взаимные обвинения, уточняющие, кто именно с недостаточным рвением служит истинному Господу.

История этих обвинений уходит своими корнями в далекое прошлое, но так или иначе, причиной тому послужили чрезмерные амбиции церковных иерархов – научившихся собственноручно добывать тот самый огонь, возвысившихся над остальными, и приблизившихся, таким образом, еще на одну ступень к Всевышнему.

Другой, более официальный предлог – письмо Папы Льва IX к Керуларию, в котором Папа, выражает, мягко говоря, недоумение тому, что константинопольская церковь видела на своем престоле евнухов и женщин. Намекая, наверное, об Иоанне – женщине на папском престоле. Смотрели такой фильм?

Короче, в церковном монолите появилась первая трещина.

И Папа послал к Керуларию делегацию для урегулирования конфликта мирным путем. Если получится.

Ничего не получилось.

Усилия посланцев были тщетны, и 16 июля года 1054 от Рождества Христова не солоно хлебавшие легаты провозгласили об отлучении Михаила от церкви. Спустя четыре дня,

20 числа, оскорбленный патриарх в ответ предал их анафеме.

Как следствие этого, в 1054 году нашей эры происходит деление Единой церкви на Римско-католическую и Православную, и вполне логично, что манипуляции с сознанием прихожан становятся неотъемлемым атрибутом обоих вновь образовавшихся течений.

Трещина увеличивается.

Поскольку в начале второго тысячелетия Дайрон уже перестал являть знаки внимания восторженным приверженцам (причем не только христианам), две противоборствующие вершины обвинили, или нашли повод обвинить друг друга во всех существующих грехах.

Заккрытие церквей стало той последней соломинкой, что ломает спину буйвола (и глаза которого с таким нетерпением ждет Дэн!).

Примерно в это же время Другие начинают потихоньку выползать из тени, чтобы тоже выступить на сцене театра надвигающихся событий. Им, как и всяким живым существам, чтобы выжить, нужно питаться. А чтобы получить право голоса в этом мире – питаться хорошо.

А пища – вот она. Нужно лишь оглядеться по сторонам.

И Другие начинают пропаганду здорового питания. Среди людей идет самый, что ни на есть естественный отбор – выживают сильнейшие – те, которым посчастливилось спастись.

Что интересно, оба церковных иерарха думали в тот момент о своей власти и связанных с ней текущих проблемах, а не о тысячах разорванных на части и обескровленных сограждан.

Напряжение нарастало.

Каждый из владык уверял, что именно к нему, в ответ на истовые молитвы, Творец нисходит с небесных чертогов для откровений, и при этом объявлял ересью слова оппонента. И каждый горячо ненавидел соперника, в глубине души веря его словам. И простые люди ненавидели и верили вместе со своими пастырями.

«Бог умер!» – именно эти слова символизировали Великий раскол христианской церкви, он же Великая схизма.

Послужило ли толчком к этому конфликту прекращение Дайроном шоу эффектов, что мне сдается маловероятным, или же, как я говорил, отдельные лица решили продемонстрировать свое величие, но в итоге, ни к чему хорошему это не привело.

Старый, как сама Земля, принцип «разделяй и властвуй» вновь доказал себя на сто процентов.

Внимание, вопрос: кому еще, кроме поссорившихся церковников, была выгодна такая разобщенность? Уж точно не людям.

Кстати, совсем недавно, полвека назад, в 1965 году взаимные анафемы, разделившие католиков и христиан, официально были сняты, но примирения, как мы знаем, и до сих

пор не произошло.

Короче, за четыреста лет до написания «Молота ведьм» (книги посвященной, как мне кажется, борьбе с логусами), Другие расы, они же виды, получили полную свободу действий: разделившаяся церковь тянула на себя трещащее по швам одеяло, а вампиры со товарищи тем временем потихонечку харчились людьми.

Небольшое облегчение принесло образование в 1119 году Ордена Тамплиеров, а потом, спустя девяносто шесть лет, создание Папой Иннокентием III Святой Инквизиции, чью стальную хватку зарвавшиеся паразиты тотчас почувствовали на себе.

Но ненадолго.

В то, весьма смутное время, когда все решала физическая сила, помноженная на количество, Высшие расы, как они себя называли, или нечисть, как именовали их церковники, попытались взять власть в свои окровавленные руки.

Додумайся они объединиться, и не будь Дайрона, бдительно следящего за этим, человеческой цивилизации – как самостоятельно развивающемуся обществу, быстренько пришел бы конец. Но и сами люди, и вампиры, и логусы, и прочие товарищи только и делали, что проводили время в попытках захватить, а потом удерживать с трудом добытую власть.

Что интересно, примерно в то самое время церковники в своем кругу де-факто отказываются от существования Бо-

га, а де-юре усиливают гонения еретиков за то, что те вслух озвучивают их внутренние постулаты!

Инквизиция начинает работать на полную катушку – длиннющие списки с сожженными еретиками и ведьмами ложатся на стол Папе.

Это как везде: едва любое учреждение начинает обрастать бумажками, оно неведомым образом превращается в бюрократическую структуру, основной целью которой является ведение отчетности.

Короче, Инквизиция стала работать, как и большинство современных органов государственной власти: на показатель.

Лишь Тамплиеры, по своей сути неподконтрольные никому, продолжали делать свое дело – уничтожать нечисть.

Поскольку все эти баталии были своеобразной проекцией естественного хода вещей, все шло своим чередом.

Дайрон в эти дела не вмешивался, оставляя за людьми, как первыми хозяевами этого мира, право самим отстаивать свои интересы перед «квартирантами», пришедшими гораздо позже.

Как говорилось выше, объединись Высшие расы вместе, и приведи это к пагубным для человечества последствиям, Бог был бы страшен в своем гневе, и поэтому, а быть может, и не только поэтому, они решали проблемы индивидуально, каждый в своем кругу.

Отдельные княжества погрязли в распрях, кровь лилась

рекой, чудовищные средства отпускались на войны, и это могло закончиться очень печально – на руинах Царствие Небесное не построить.

Особенно отличились Тамплиеры. Официально орден создавался, чтобы защитить паломников, побывавших в Святой земле. На самом же деле, главной целью ордена был обычный геноцид не-людей, и попутное устранение неудобных.

Орден был невероятно богат, поскольку громя кланы и гнезда, оперативно реквизирует оттуда все сокровища. А их, накопленных за века, было немало.

В 1289 году из-за войн орден понес изрядный урон.

Филиппу IV, королю Франции, в голову пришло, что Тамплиеров можно изрядно подоить. И в результате блестяще проведенной интриги ордену пришлось сражаться одновременно с несколькими противниками – Инквизицией, людскими наемниками и Другими.

Очевидно, что короля Филиппа, блестящего политика, самого не могло осенить такой оригинальной идеей по экспроприации имущества ордена – ему и без того было чем заняться.

Однако, некий посланец, чье имя так и не дошло до нас, (известно лишь, что он якобы был приговорен к смерти), в беседе с глазу на глаз предложил королю вечную жизнь в обмен на некие действия, которые приведут к уничтожению ордена и прочим, весьма занимательным вещам.

Получить вечную жизнь в тринадцатом веке означало не много не мало – заключить сделку с дьяволом. Можно только представить себе шок, который испытал король, с минуты на минуту ожидая, наверное, топота инквизиторских сапог за дверью.

Однако, неведомый посланец как дважды два доказал ошеломленному монарху, что вечная жизнь есть дар Бога, и король живущий вечно, как и сам Господь, под своим благоухающим скипетром объединит мир, искореня ересь и насаждая истинную веру. А Папа даст ему отпущение во всем, буде такое понадобится.

И поклялся на Библии. Или Евангелии, что не суть важно. Еще, небось, и крест поцеловал!

Против таких аргументов не особо попрешь.

Король подумал-подумал, почесал свою натертую коронной голову и согласился.

Между прочим, история упоминает странную болезнь короля в тот беспокойный период – лекари лишь разводили руками, словно давая понять, что Господь лично отметил своего наместника.

Увы, Богу до Филиппа Четвертого не было дела.

И началось.

Кровь, и без того щедро орошавшая поля сражений, полилась с удвоенной силой.

Рыцари, набившие руку в боях с нечистой, для человеческих солдат оказались поистине страшным противником.

Если верить хроникам тех времен, лучшей организованной боевой группы в мире на тот момент не было. Такая себе смесь Французского легиона и «Зеленых беретов».

Короче, всем остальным они здорово дали про... думать возможные последствия.

Но в итоге перевес, к сожалению, оказался не на стороне ордена. Ибо, как говорилось выше, все решало количество, помноженное на физическую силу.

Время шло. Война, потихоньку остывая, из горячей постепенно превращалась в теплую, когда стороны лениво переругиваются через линию фронта, мирно покуривая в окопах.

Все зализывали раны. Так как орден заставили забыть о своем предназначении, урезав его почти наполовину, рыцари плюнули на спасение мира, и всецело отдались торговле и ростовщичеству, или, как бы сейчас сказали, товарно-кредитным операциям.

Более поздние летописи не упоминали о той войне – после битв не оставалось тел, и историки пошли самым простым путем, предположив, наверное, что раз трупов нет, значит, не было и сражений, и рыцари, вместо того, чтобы погибнуть, растворились среди людей, уйдя в мир, и сократив, таким образом, ряды ордена. Как обычно, не разглядев того, что лежало на поверхности.

Можно догадаться, куда девались тела убитых, но сути дела это никак не меняет.

В 1291 году мусульмане изгоняют из Палестины христи-

ан, что служит подтверждением несостоятельности Тамплиеров – ранее такого произойти не могло, поскольку репутация ордена была прекрасно известна как в Европе, так и далеко за ее пределами. И ослабевший орден, естественно, препятствовать этому событию был не в силах.

Таким образом, появился прекрасный повод королю Филиппу во всеуслышание задать справедливый вопрос – а к чему, собственно, нам вообще Тамплиеры?

Папа Бонифаций VIII вступился за орден, прекрасно осознавая, во что это в итоге может вылиться.

Бога-то нет – ведь именно эта максима за двести с лишним лет до описываемых событий была взята за основу, а значит, случись что, и некому будет помочь людям!

Иными словами, кесарю – кесарево. Не лезьте в дела церковные, а то хуже будет!

Но король не внял доводам первосвященника. И тому вину было вменено воплощение в жизнь доктрины верховенства церковной власти над властью светской. Было ли это на самом деле, или послужило лишь поводом – уже не важно.

Филипп созвал Генеральные штаты (высшее сословно-представительское учреждение Франции), которые признали вину Бонифация, обвинили его во всем, в чем только можно и потребовали предстать перед судом.

Ну еще бы!

Но Папа находился в Италии, на суд являться не торопился, и поэтому Филипп послал за ним некоего Гильома Но-

гаре с отрядом. Тому удалось схватить Бонифация, жестоко избить его, но на этом все и закончилось – Папу посчастливилось отвоевать у французов.

Спустя три недели Бонифаций VIII умер.

Официальная хроника говорит, что в силу возраста, болезней и побоев, неофициальная утверждает, что тому способствовали чьи-то амбиции.

Как говорится, яду мне, яду!

Следующий Папа – Бенедикт XI, сменивший на престоле Бонифация, наслаждался полнотой власти целых восемь месяцев – самый краткий срок папства в четырнадцатом веке, а потом внезапно умер.

Это слово – «внезапно», было очень распространено в то время.

Переиначивая известную поговорку, пошел по делам, и внезапно сердце стало.

А стало оно после того, как новый Папа узнал, кто же на самом деле правит Францией, и ошеломленный, быстренько унес вновь обретенное знание в могилу.

Конклав, стоявший на пороге распрей, почти год заседал, не в силах прийти к окончательному решению.

Но потом, благодаря влиянию Филиппа (ох, уж этот Филипп!), решено выбрать Папой Климента V, в миру Раймона Бертрана де Го.

И тут колесо религии, и без того не слишком расположенное к простым смертным, вообще поворачивается на сто во-

семьдесят градусов. Другими словами, задницей.

Папа Климент, отрабатывая свою должность, быстренько дает полный ход симонии, то есть всюю торгует церковными должностями и духовными санами. Естественно, что тут же нашлись молодцеватые клиенты, которые в другое время вместо кардинальских шапок смогли бы получить лишь кол в грудь.

Да и не только они.

Таким образом, первое совместное с Другими собрание провели в четырнадцатом веке, со времен вступления на престол Папы Климента V.

Кроме того, в 1312 году он же издает указ – буллу – о роспуске Тамплиеров. И основной отряд борьбы с врагами человечества менее чем за два года перестает существовать. После чего также перестает существовать и Папа. Странный случай на охоте – неведомый хищник набрасывается на понтифика, и тот внезапно умирает.

Что поделать – внезапно есть внезапно.

Таким образом, Филипп Четвертый сполна отработал свое, так называемое бессмертие, а очередной Папа тем временем всюю отпускал ему грехи. Маслом, как говорится, каши не испортишь.

Перестраховка, так сказать.

Что интересно, Жак де Моле, последний Великий Магистр разгромленного ордена Тамплиеров, 18 марта 1314 года, перед казнью напророчил королю смерть менее, чем че-

рез год. И действительно, уже 29 ноября короля хватил удар, и он в возрасте неполных сорока семи лет, последовал на кладбище.

Обещание, таким образом, сбылось наполовину: в гроб, как заправский кровосос, он все-таки лег.

Каким образом король-вампир смог-таки умереть, осталось загадкой.

Но мне кажется, я знаю ответ.

На этом предыстория заканчивается.

Теперь по сути.

Конклав, почти на четверть укомплектованный отборной нечистью, принял ряд радикальных установок, одной из которых и явился прообраз того самого Собрания.

Иоанн XXII, следующий Папа, разобрался, что к чему, и сумел-таки, хоть и ценой огромных усилий, вывести Собрание отдельно из Конклава, за что честь ему и хвала.

В общем, сей мудрый политик отделил мухи от котлет, справедливо полагая, что религия – лишь бизнес, и мешать жаркое с десертом – крайне неразумно.

Таким образом, первоначально в Собрание входили двенадцать людей, в их числе Папа, камерарий, и несколько глав орденов. И пропорционально по одному, двое или трое, в зависимости от общего количества, другие расы.

Собрание, сорок членов которого были разделены на тринадцать фракций, собиралось раз в двенадцать лет, чтобы решать глобальные вопросы.

Наверное, дюжина тогда имела особое значение! Ибо пришел Ренессанс.

Каждая фракция имела свою часть металлического диска, в совокупности представлявшего собой огромную печать, которой визировались принятые решения.

Стоит ли говорить, что часть, принадлежащая людям, была самой большой?

Что поделать, средние века – эпоха ритуалов!

Много позже, уже в период Эпохи Просвещения, об этой печати забыли, и в результате совместных усилий Собрание сократилось до восьми членов, и восьми фракций, таким образом, каждый вид был представлен одним присутствующим.

Все решения, принятые Собраниями, записывались на пергаменте, и отдавались на хранение одному человеку.

Я, помню, тогда спросил у Дайрона:

– И они подписывали эти решения?

– Подписывали? – с удивлением спросил Дайрон, – зачем же?

– А гарантии?

Дайрон засмеялся.

– Гарантии! А чего стоят эти росчерки пера и разноцветные оттиски на листах бумаги! Люди придумали себе правила для игр и тысячи лет по ним играют. Да кому нужны эти бумажки! Все действительно важное хранится в памяти и сердце. Нет гарантии прочнее, чем слово!

Дайрон помолчал и твердо добавил:

– Или чем страх!

...Позже, к концу XVIII века, Ватиканом был создан так называемый Совет людей, в который входили некоторые члены Конклава, Патриарх Константинопольский, Далай-лама, верховный муфтий, правители империй и королевств, и прочие влиятельные лица.

Первое заседание, прошедшее 2 апреля 1796 года Дайрон посетил лично, фактически «благословив» зачин. Тогда же была изменена периодичность Собраний – раз в десять лет.

Таким образом, первые лица – члены Совета досконально владели ситуацией в мире, и имели определенные рычаги влияния.

В общем, напрашивается мысль, что Бог, увидев, что человечество вышло из детского возраста, перестал контролировать с небес каждый их шаг. Как перестают бегать с платком в руках за повзрослевшими детьми, чтобы вытереть им нос, родители.

В каком качестве участвовал Дайрон – Бога, наместника или святого, история умалчивала. Скорее всего, именно Творцом его не считали. И наверное, зря, поскольку сегодня мы имеем, то что имеем.

К слову, никто из российских самодержцев в этом Совете никогда не присутствовал. Екатерина Вторая, за полгода до смерти которой прошло первое заседание, отказала посланцам Ватикана, презрительно обозвав приглашение «де-

шевым балаганом».

Еще бы! На тот момент России не нужен был никакой Совет. Она имела собственного Патриарха и огромное влияние на соседей. К сожалению, после смерти Екатерины процесс пошел на спад.

На том и закончилось. Обидно, однако!

Таким образом, создание Совета фактически умалило важность Собраний, отодвинув их на второй план – вся глобальная стратегия разрабатывалась Советом, а Другим оставалась лишь тактика – игры в политику в строго очерченных рамках.

Разобщенные расы утратили влияние – отчасти из-за бесцельно пропущенного времени, отчасти из-за развития военных технологий, и в итоге оказались неспособными к каким-либо серьезным действиям, превратившись в своеобразный, псевдонезависимый придаток Совета.

На тот же период приходится пик охоты на вампиров, гулов и прочих чужих.

Чужие смешиваются с человечеством, теряясь в общей массе. Кто-то предпочитает по ночам охотиться на людей, а кто-то идет во власть, поднимаясь на самый верх. Они находятся при королях в качестве советников и министров, занимают посты в церкви и командуют армиями.

И Россия не исключение.

Последнее упоминание в двадцатом веке о приближенных чужих к царской семье – это небезызвестный Григорий Рас-

путин, логус из Четвертой Восточной Семьи.

В период революции Россия становится полноправным членом. Первое время члены Совета не слишком рьяно ждут новых товарищей, и тянут со вступлением, но после того, как Ленин берет «взаймы» у Германии деньги, ситуация меняется. Большевики направляют в Совет кандидатуру Вацлава Воровского – полномочного представителя Советской России в Италии, одного из инициаторов гонения на Русскую православную церковь.

Владимир Ильич весьма скептически смотрит на происходящее в Совете. Страна, изможденная войнами и разрухой, стоит на коленях, а сытые буржуа в солнечной Италии рассуждают о знамениях и политике будущего! Воистину, религия это опиум для народа! Тем не менее, информация строго засекречена.

То, что в самом Совете от религии остались лишь духовные звания некоторых присутствующих, Воровский понимает не сразу.

Он регулярно шлет Ильичу подробные письма, а тот не менее подробно инструктирует, как следует себя вести. Вампиры и логусы, это конечно весьма познавательно и архиинтересно, но! Мировая революция важнее!

Вот только заседание Совета это не заседание Временного Правительства. И не бюро Центрального комитета партии. Поэтому на Воровского в Совете смотрят, мягко говоря, как на клоуна.

Эти русские мужики, что с них взять!

В 1923 году Вацлава Воровского убивают в Швейцарии, и на несколько лет Россия теряет свое членство.

Собранная информация скапливается в секретариате Ильича, но ему не до этого – удар – следствие продолжительной болезни, лишает его всего – возможности говорить, читать и писать. Остается лишь возможность думать: лежа в полной неподвижности.

Ад для великого человека чреват великими же муками.

Возможность исцелиться, наверное, была. Для этого нужно было лишь обстоятельно изучить материалы, переданные Воровским.

Рискнул бы Ильич пойти этим путем?

Да, в надежде получить новую жизнь и здоровое тело. Нет, поскольку он слишком скептически относился к мифам. А что есть неподтвержденная легенда? Именно миф.

Когда к власти приходит Сталин, и ему попадает в руки архив, собираемый при Ленине, ситуация меняется.

Членом Совета становится Борис Штейн, член делегации Советского Союза в Лиге Наций.

Информация от него исправно поступает на стол Вождю. И Вождь делает страшные выводы.

В Советском Союзе начинается активный поиск Других. Их там, разумеется, полным-полно, но вот найти не так-то и просто!

Но НКВД не сдается. И ищет. Тех ли, нет, уже не важно.

Главное, что находит.

Безусловно, и вампиры, и гулы, и логусы тоже попадались в сети. Немало чужих погибло в подвалах Лубянки. У людей еще шансы были: их могли отправить в лагерь. Чужие же были лишены и этого.

А страна в это время боролась с врагами народа.

Что же, формулировка правильная. Спираль истории сделала свой оборот.

Кстати, за годы истребления не было уничтожено ни одного Безликого или Нана (о которых нам известно лишь, что это самые необычные существа среди чужих).

Однажды товарищ Сталин набил трубку, и пуская в тишине кабинета облака дыма «Герцеговины Флор», задумался.

На столе лежало донесение.

Агент сообщал, что Германия начала работу над атомной бомбой. Несколько дней назад физикам Фрицу Штрассману и Отто Ганну впервые в мире удалось расщепить ядро атома урана. Германия производит закупку урановой руды.

Информация стоила агенту жизни. Но к делу это не имело совершенно никакого отношения.

Вождь задумался. Что такое атомная бомба, он представлял лишь приблизительно. Но имея привычку разбираться во всем досконально, он вызывает Берию, который находится на посту наркома внутренних дел СССР всего лишь три недели.

Задача предельно ясна: получить информацию, докумен-

ты, а по возможности – и образцы.

Берия чешет бритый затылок. Отправить людей – не проблема. Проблема выполнить задание. В голову приходит невероятная мысль: задействовать не-людей.

Поначалу Сталин раздражается, но походив и подумав, признает целесообразность этого предложения: во-первых, физические характеристики будущих шпионов на порядок выше человеческих.

Во-вторых, честные граждане СССР – простые люди (на всякий случай) совершенно не причем.

В-третьих, возможность принять в свои ряды подобных индивидуумов было бы неслыханной удачей.

В-четвертых, Мировая Революция, свобода, равенство и братство и тому подобные идеологические конфеты.

План воплощается в жизнь. С уцелевшими логусами и вампирами проводят агитационную работу. Ведь вампиры и другие любители человечины, как и всякие живые существа, боятся пыток, боли, и тоже переживают за своих родных и близких.

Короче, аргументы находятся. Немного подготовки, и самый, что ни на есть интернациональный отряд отправляется на задание, которое выполняет лишь наполовину: образцы добыть не удастся.

Дело в том, что товарищ Гитлер ранее озаботился аналогичной проблемой, и идея Лаврентия Павловича, таким образом, опоздала на несколько лет.

Товарищ Сталин немного пожурил наркома, ошибки разобрали, и учтя первый блин, страшная пекарня заработала.

Появился проект создания государства-сателлита, состоящего полностью из Других, была запущена программа выявления Других среди народа, и чужие в форме НКВД активно сотрудничали с государством, соревнуясь между собой в поиске своих собратьев.

Но помешала война. Не будем сейчас касаться первопричин, что привели к обращению во прах многих миллионов живых существ, но факт остается фактом: и люди и не-люди отдавали жизни за Идею.

Справедливости ради следует заметить, что именно Вторая мировая, несмотря на потери чужих, все же обеспечила хороший прирост в их рядах – те обжирались на полях сражений. Любой логус насытится до конца жизни, проводя ночь перед боем рядом со взводом напуганных солдат!

Остальные тоже не упускали шансов.

Гулы максимально выжали из шести лет сражений все возможное: именно в сорок третьем их князь повелел стоять новый кенотаф, в который сразу же после окончания строительства легла первая кладка яиц.

Кланы вампиров, несмотря на конкуренцию между себе подобными, значительно увеличили количество своих членов, что само по себе было событием: предшествующие двести лет были весьма скудными на пополнение.

Граморы, эти странные люди-птицы впервые вышли на поверхность: до этого они, точно гулы, жили в норах глубоко под землей, не видя солнечного света, будучи, к тому же ограниченными в продолжении рода. Теперь же им было позволено строить гнезда в горной местности и размножаться.

Военные годы, что и говорить, суровое испытание для всех. Что уж говорить о Столетней войне! Конечно, и масштабы и методы уничтожения себе подобных отличались от всего, что было в прошлом.

Тут, конечно, товарищ Сталин допустил просчет: пообещай он предводителям Других Германию со всем ее содержанием, как одушевленным, так и неодушевленным в полное владение, война закончилась бы менее, чем за месяц. Но в вечной своей подозрительности Вождь поступил, словно вампир: побоялся переиграть самого себя.

А быть может, война закончилась бы и раньше: полчища чужих, поголовно вырезающие население страны, непременно обратили бы на себя внимание Дайрона.

А сражаясь друг с другом вместе с Красной Армией и фашистами – по разные стороны баррикад, Другие не нарушали запретов Бога. И тот не вмешивался.

После войны, в сорок седьмом, Собрания окончательно отделяются от Совета, и превращаются в автономную структуру.

Спустя несколько лет, в условиях ядерной гонки и «Кузь-

киной матери» информацию о чужих на самом высоком уровне было решено не выносить на общее обозрение.

В СССР, с его тотальным контролем над средствами массовой информации это сделать было несложно, а вот в демократических государствах все оказалось куда сложнее. Но ничего, справились.

Особые структуры занимались именно этим: предотвращением утечек существующей информации и превращением правды в вымысел уже просочившихся в массы сведений.

Параллельно с этим запускаются в разработку проекты «Фантом», «Цефей», «Жало» и многие другие, направленные на изучение особых качеств чужих и поиск возможностей использования этих качеств в поставленных правительством целях. И разумеется, далеко не всегда мирных.

Государства, гигантский бюджет которых позволяет невозможное, соревнуются за право занять вновь появившуюся нишу – заманчивая перспектива, которую удастся реализовать уже в недалеком будущем.

В поле зрения попадают в основном вампиры, анатомические особенности которых более-менее дают возможность вычислить их среди людской протоплазмы, наполняющей города.

С логусами дело обстоит немного сложнее: способности к телепатии позволяют занимать им ключевые посты в руководстве и частично уходить от угрозы быть замеченными.

Гулы не попадают в сети спецслужб, отчасти потому, что

довольствуются малым, не пытаюсь замахиваться на большее, отчасти потому, что никуда не лезут, сидя в своих кенотафах и исповедуя восточный принцип: «ждать, время не имеет значения».

Та же ситуация с граморами. Но везде есть исключения. старейшина одного из гнезд – так именуются их города-пещеры, заключает сделку с одной иностранной конторой, и в обмен на определенные блага, гнездо исправно поставляет своим партнерам солдат – добровольцев, набранных из молодых особей.

Благодаря особенностям генотипа граморов операции, проводимые вышеуказанной конторой, выполняются на сто процентов и приобретают неслыханный размах.

По понятным причинам, едва гнездо начинает пользоваться определенными благами, аналогичные услуги предлагаются также одной из конкурирующей сторон.

Впрочем, это единичный случай.

Безликие и наны в «черные» списки не попадают. Они вообще вне игры. Человечество, кроме очень немногих посвященных, не догадывается об их существовании.

Итак, под угрозой раскрытия оказываются вампиры.

Раскрытия, разумеется, сути своих способностей, призванных в недалеком будущем стать на службу прогрессивному человечеству.

Стоящие над кланами понимают, что если ситуацию не изменить, она зайдет слишком далеко, и случится непопра-

вимое. Они обращаются в Мировой Совет. Но Совет не хочет, или, что вероятнее, уже не может влиять на отдельные сверхдержавы.

Поэтому кланы, согласовав между собой действия, уходят в тень. Особо продвинутые научные центры подвергаются атаке, те из ученых, которые не соглашаются отказаться от работы, частью погибают, частью становятся инвалидами. Результаты научных наработок, на которые потрачены миллиарды, превращаются в пыль. Кое-что, правда, удастся сохранить.

Где-то начинается охота на вампиров. Охота, разумеется, в фигуральном смысле: для того, чтобы вампира поймать, его сначала нужно найти. А это сделать не так-то просто: нужна мощная организация, в штате которой состоят профессионалы высочайшего уровня. И позволить себе это может далеко не каждый.

Ведь современный вампир – это не дремлющий в гробу окровавленный мертвец, пьющий по ночам кровь молоденьких девушек и шарахающийся от склянки со святой водой!

Напротив, многолетний опыт, помноженный на знание техники и современных технологий, финансы и сверхспособности превращают такого кровососа в опасного противника. И учитывая, что он такой не один, не одержим бесконтрольной жадой крови, как ошибочно полагают некоторые, и многие другие факторы, задача автоматически переходит в разряд практически невыполнимых.

Короче, одними крестом и колом тут не обойдешься...

Таким образом, на исходе второго тысячелетия, функция влияния Мирового Совета постепенно, как сказали бы математики, стремится к нулю – ключевые политики и церковные деятели уходят на покой, и церковь имеет лишь номинальное влияние.

А отдельные государства, корпорации и влиятельные семейства видят себя средоточием мировой власти.

Уже в наше время, в двадцать первом веке, Совет обновляется полностью. Поскольку никого из людей, заседавших в нем с середины прошлого века, в живых не осталось.

Постепенно Совет начинает превращаться в формальную бюрократическую структуру, а увеличение среди его членов представителей Соединенных Штатов, грядущий мировой кризис и войны за нефть значительно ускоряют это превращение.

Итак, представители Других получали уведомление ровно за месяц о месте проведения Собраниа. До Второй мировой войны в качестве таковых выбирались столицы стран – Париж, Лондон и так далее. Кроме Москвы, которую члены Собраниа посетили лишь в семьдесят седьмом.

Инициатором выступал Мировой Совет.

После войны было внесено предложение поручить подготовку Собраниа виду Посредников – странных существ, которые потеряли влияние еще задолго до того, как образовался Совет людей.

На Посредников были возложены все организационные вопросы – от информирования и подготовки места встречи, до транспортировки обратно членов Собрания и урегулирование возможных вопросов с местными властями. За что они (и Посредники и власти!) получали финансирование и определенные льготы. Но это к слову.

Итак, пятнадцатого апреля две тысячи пятнадцатого года представители Других были проинформированы о дате и месте проведения внеочередного Собрания, причем без Посредников. Их роль взяли на себя доверенные лица организатора.

Некоторые, а именно те же Безликие и наны, судя по всему, усмотрели в этом подвох, и отправили на встречу вместо себя доверенных людей, которые им служили по каким-то причинам.

Такие существовали всегда.

Можно ли их было назвать предателями – вопрос. Как вопрос, можно ли предать любое разумное существо, тысячелетия живущее бок о бок с человеком? Такой же вопрос, наверное, как можно ли считать предателем человека, пожелавшего сменить свой пол?

Так или иначе, но из восьми членов Собрания – Людей, Вампиров, Логусов, Полиморфов, Гулов, Граморов, Безликих и Нанов прибыли лично только шестеро представителей. Двое последних, как уже говорилось, предпочли отправить человеческих посредников.

Вся нелепость ситуации заключалось в том, что наперекор устоявшейся традиции, вместо представителя Совета, приглашение было отправлено Ордену Баргеонтов, давным-давно забытой всеми группой, отделившиеся члены которой когда-то давно дали начало небезызвестной ложе Вольных Каменщиков – масонам.

И представитель Ордена впервые прибыл, чтобы участвовать в Собрании. Огромная, по меркам этой зачахшей, но чудом сохранившей традиции и обычаи, ветви сумма – в тридцать пять миллионов баксов была дана ордену на развитие. Как первое и осязаемое подтверждение правдивости слов говорившего.

И обещаны нереальные перспективы.

Короче, изрядно ошалевшие от всего этого Баргеонты тотчас душой и телом отдались своему новому менеджеру по персоналу.

Настоящий Совет, естественно, участия в этом не принял.

Перед этим, спустя несколько дней с момента получения Вести, то есть недели за три до планируемой даты Собрания, граммы, почесав свои пернатые головы, решили рассказать об этом Дайрону. Нагло заложив, таким образом, своих остальных коллег по цеху.

Не лично, разумеется: между старейшинами и Богом существовала сложная цепочка посредников.

Почему они это сделали, мне сначала было непонятно: каким, спрашивается, концом, эти человекоптицы относятся

к Дайрону? Потом Дайрон прояснил ситуацию. Но об этом позже.

В общем, Дайрон, не желая лично вступать в эти разборки, донес информацию до ушей членов Совета. Но те не захотели его слушать.

Вопрос в том, узнал ли бы Дайрон о Собрании сам, без помощи граморов? Или же его статус не давал ему всезнания? Тогда возникает вопрос: может ли называться Богом тот, кто владеет информацией лишь благодаря доносчикам?

Как уже говорилось, за века истинная суть Дайрона в глазах Совета несколько исказилась. О том, кто он такой на самом деле, знали лишь единицы. Причем даже не первые лица. Митрополит, коллега которого нас так радушно принял под Лаврой, и тот считал Дайрона, впрочем, как и остальные, кем-то вроде пророка. Или святого.

Другими словами, служители религиозных культов, призванных и призывающих служить Богу, и не подозревали, что Бог, как простой смертный, находился в одном зале с ними.

Более того, само существование Бога ставилось ими под сомнение, при этом вполне естественным считалось присутствие других видов, соседствующих с человеком.

Как в анекдоте: Вы патриот? Да. А почему на иномарке? Так я ж патриот, а не идиот!

А ведь все чудовища, упомянутые в легендах и сказках – вампиры, гули, как огня боялись креста и имени Господнего.

После окончания Собрания, группа «Длань Бога» – тайное подразделение Ватикана, выполняющее в миниатюре функцию самого Дайрона – удержание баланса, (то есть, говоря русским языком, контроль и невмешательство), отправила Гарри следить за логусами.

Не знаю, что там произошло, об этом умалчивалось, но Гарри каким-то образом умудрился влезть в разборки с Баргеонтами.

В итоге, когда Дайрон, так и не дождавшись реакции Совета, надумал вмешаться, Собрание уже состоялось.

В поселке, где заседали, убили сторожа, когда менты взялись за расследование, появился Михаил Голубых и... дальше известно.

Затем, месяц спустя пришел черед второго Собрания. Дайрон, оставив свое тело грамoram (а им-то зачем?), как-то смог использовать тело Безликого, и обманув, таким образом, присутствующих, оказался на встрече. Главной повесткой дня которой был захват власти на планете, и превращение людей, в последствии, в корм для остальных. Правда, с поправкой: те, кто смогут работать, как физически, так и интеллектуально, в списки смертников не войдут.

Все в лучших традициях нацистов. Ну слава Богу! Прямо гора с плеч свалилась!

Короче, что там дальше произошло, не знаю, но Дайрона каким-то образом раскололи. И ему пришлось бежать, меняя тела, как перчатки. А потом он, проникнув в тело Антона,

благополучно вывалился мне под колеса.

Почему он сразу не отправился за своим телом, как я уже говорил, не ясно.

На это я ответа не получил.

Кроме того, на вопрос Михаила, кем же был погибший в доме отдыха мужчина, чье тело в реке нашел местный алкоголик, Дайрон скупно ответил: организатор первого Собрания.

Почему он застрелился, и кто он такой, нам сказано не было. Не тот уровень допуска, выходит.

III

Обдумывая все эти вещи, я шел домой. Что и говорить, жизнь – это вообще странная штука.

Вопросы, как я уже неоднократно говорил, копились, а ответы застряли где-то в пробках.

Можно понять человека, если он не захотел ломать голову над подобными вещами. Вот только спасет ли это его в подобном случае? Это не война Алой и Белой розы, когда нейтралов не трогали. Сейчас тяжелый маховик истории зацепит каждого, и разотрет в пыль, если не сумеешь выбраться. Плыть нужно всегда, даже когда нет надежды.

Я поудобнее перехватил коробку с бассейном и легкой трусцой побежал. Несмотря на груз, бежалось легко, я даже испытывал удовольствие от пробежки.

Если утяжелители носить на ногах не снимая, через неко-

торое время перестаешь их замечать. Зато когда снимешь...

Я пересек долину, и перейдя через ручей – табу для местных, свернул в лес. Оттуда в ущелье, затем снова лес, затем вдоль реки, еще лес, и наконец, огибающая гору едва заметная тропинка. Итого часа два. Поначалу было, конечно, тяжело, а потом привык.

Когда я добрался до дома, солнце уже давно покинуло zenith.

Я положил рюкзак на стол, и занялся коробкой с бассейном.

Однако! Китайцы, несмотря на все мое к ним уважение, отличились и здесь: бассейн был выпущен, если верить наклейке, около шести лет назад – в две тысячи двенадцатом году! Это значит, что с мечтой о нормальной ванной можно попрощаться – китайская резина столько не выдерживает.

И потом опять все сначала...

Как объяснить Оимо – тому парню, что приезжал на мотоллере, что мне будет нужен новый бассейн – во всех смыслах, я не знал.

Что же, через неделю сделаем новый заказ. К тому времени, пока очередной бассейн придет по их неторопливой почте, этот уже придет в негодность.

Я аккуратно раскрыл коробку, и достал скомканный блин. Вот сейчас и узнаем.

Несколько минут я сосредоточенно надувал ужасно воняющий резиной бассейн. Потом посмотрел на дело рук, вер-

нее, губ своих. А смотрится не так уж и плохо...

Я аккуратно влез внутрь, примеряясь к этой импровизированной ванне. Ничего, сойдет. Теперь главное, налить воды и пусть постоит, забирая запах. Сейчас пустим воду из ручейка, и готово.

Я вполне мог бы обойтись той водой. Но почему-то упорно ходил к водопаду. Вот так вот. Становимся рабами собственных привычек.

Через полчаса наполненный до краев бассейн стоял в тени перед домом, ожидая, пока его нутро избавится от запаха.

А я отдался тренировке.

Через три часа, когда солнце склонилось к линии горизонта, я шагал по утоптанной тропинке, на которую впервые ступил несколько лет назад.

Остановившись на повороте, как раз на обрыве резко выступающего вперед кряжа, я задумчиво посмотрел на великолепный закат, в очередной раз вспоминая, как попал сюда. Прошло больше четырех лет, но я отчетливо помнил каждый миг тех удивительных событий.

* * *

– А теперь куда? – поинтересовался Джейсон, вальяжно раскинувшись в кресле и закинув ноги на столик.

Миша, покусывая зубочистку, напряженно смотрел на

него, обдумывая полученную от Дайрона историческую справку. Что-то в рассказе мальчишки его явно завело.

Маргарита сидела на диване и с двух сторон ее окружали Гарри и Дайрон, что-то объяснявшие ей вполголоса. Она кивала, и время от времени мельком бросала на меня странный взгляд.

Я чувствовал себя полным идиотом, все еще оставаясь под впечатлением того, как Маргарита отреагировала на меня.

– В Калькутту. – Коротко сказал мальчишка. – Да будет так...

Джейсон усмехнулся, пошевелил ногами, обутыми в новенькие кроссовки, и вставил в уши горошины наушников.

Миша посмотрел на него и перевел взгляд на Дайрона.

– Я так понимаю, тебя многие считают Богом. Это так? – с нажимом спросил он, совершенно не церемонясь.

Маргарита с удивлением повернулась к нему.

Дайрон наклонил голову.

– Считают. Но я вовсе не тот Бог, которого представляют себе верующие. Хотя во многом я отличаюсь от людей. Некоторые ожидают от меня божественных деяний, но мои цели – совсем иные.

Михаил нетерпеливо кивнул.

– Допустим. И в чем же заключается твоя функция?

Дайрон негромко рассмеялся.

– Функция? Ты верно подметил. Именно функция. Я слежу за балансом. Чтобы люди не подвергались воздействию

извне. И от других видов, в том числе. Вампиров, логусов и прочих занятных существ.

– А их ты не контролируешь? – поинтересовался Голубых.

– Нет, зачем же? – Дайрон пожал плечами. – Их дела – это их дела, как дела людей – дела людей. Людей, к слову, я тоже не контролирую!

– А эти вампиры, если они убьют кого-то? Выпьют кровь? – Миша нахмурился.

– Глобальный баланс, – уточнил Дайрон. – В данном случае, я не вмешаюсь, если ты это хотел знать!

Миша сжал кулаки.

– Вот, значит, как! – Мрачно сказал он, ни на кого не глядя. – Между прочим, моя жена, когда ее нашли, была мертвой. От потери крови. Она потеряла, как я узнал, три четверти крови! Из артерии на руке! Но следов вокруг не было! Два с половиной литра канули в никуда! И глаз, глаз у нее не было! Их вырвали, черт бы всех побрал!

Миша дернул ворот рубашки и рванулся вперед, но глубое кресло его не пустило.

Вот это да!

– И тот следак сказал мне потом, что очень удивлен, такого, мол, в его практике до сих пор не встречалось! А спустя годы я узнаю, что, вокруг, оказывается, живут вампиры! И что все не так просто! И что моя жена могла погибнуть не только в результате несчастного случая, но и из-за ихней охоты!

Его лоб покрылся испариной, в глазах блеснули слезы, но Миша ничего не замечал.

– А ведь я молился! Молился, не веря в Бога! И тогда, когда их искали, прося о том, чтобы они только остались живы, ничего больше! Потом, после похорон, чтобы я смог найти тех, кто это сделал! Как угодно, что угодно, но – найти...

– Я не знал этого. – Мягко сказал Дайрон. Но было поздно.

– А моя дочь! Девочке было всего-то шесть лет! Ее полумало так, словно комбайн прошелся! Был ребенок – а стало... – Миша с грохотом ударил кулаком в стену, и из-за перегородки показались испуганные лица стюардесс. – Баланс, равновесие! Вампиры против людей, охренеть просто! Так где же он, баланс, спрашивается? Ждать, пока они начнут вырезать города? Будете просто так сидеть на жопах и смотреть? Пока черту, к такой-то матери, не перейдут?! Хранители... Вот он, наш Бог...

– Я не ангел-хранитель... – глухо сказал мальчишка, и подпер щеку кулаком. – Какой, однако, прекрасный способ – обвинять во всех своих бедах Бога! Ты считаешь, что это моя вина? Хорошо. Пусть будет так... Я виноват в смерти твоих близких. И всех остальных людей тоже. Какого ответа ты ждешь?

Михаил дернулся, словно от удара.

– Ответа? Это и все, что ты можешь ответить? Отлично! Я виноват, вопрос закрыли, так, что ли?

– А ты ожидал другого?

– А если они получают доступ к ядерному оружию? Тогда что? Баланс нарушен? Или нет?

– Послушай, – попытался урезонить его я.

– А ты вообще молчи! – Проревел Михаил. – Я не с тобой разговариваю, а с ним! – он ткнул пальцем в неподвижно сидящего Дайрона. – Так что ж ты молчишь, а, Бог? Что, если они взорвут бомбу? Будешь сперва проверять, кто ее взрывал, люди или нет?

Джейсон открыл глаза, и вытащил наушники.

Дайрон открыл рот, но Миша не дал ему сказать.

– Речь не о моей семье, в конце концов! Наплевать тебе на нее, ладно! Что там две жизни! А другие? Сотни, тысячи невинных людей! Примеры рядом: Хиросима! Люди? Люди. Тоже баланс не нарушается? А Чернобыль? У меня товарищ погиб возле реактора! И еще двое через несколько лет! Опять баланс, значит?

– Я был там во время взрыва. – Спокойно сказал Дайрон. – И вблизи наблюдал происходящее.

Мишино лицо побелело.

Я напрягся, ожидая, что он сейчас сорвется и ударит мальчишку, и приготовился вступить.

Но ничего не произошло.

– Хранитель, твою мать! – с каким-то зловещим пренебрежением глядя на щуплого мальчишку, процедил Голубых. – Что ж ты, такой могущественный и великий, вместо того, чтобы людей-то спасти, зрителем прикинулся? И как, дово-

лен увиденным? Потешил свое любопытство, а, Господи?

Я молчал, не зная, что сказать на это богохульство. В Мишиных словах была доля истины, но все же... Как говорится, выслушать нужно все стороны.

– А ты что, язык проглотил, когда не нужно? – Миша повернулся в мою сторону. – Спроси у него, как расставляются приоритеты!

Я прокашлялся.

– Ты действительно хочешь знать? – пристально глядя на меня, спросил Дайрон.

Я кивнул.

– Тогда слушай.

* * *

Игорь торопливо шел по коридору. Ну надо же, какое неудачное совпадение! И зачем только он послушал Веру!

«Хорошо рисуешь, Игоречек» – скорчив гримасу, передразнил он неизвестно кого. Завязался с этой стенгазетой на свою голову! А все Верка! Мол, до Первомай всего пять дней, людей-то хоть и много, а стенгазету некому оформить – Люда из АХЧ уехала к матери, и будет только через две недели, а может и вовсе не приедет! Людей тьма, а рисовать-то и некому.

А Игоря, после того, как на он Восьмое марта изобразил завгара Онопко в виде буржуина с огромным пузом и широ-

ко открытым ртом (этакий прозрачный намек на рвачество и грубость, кто знает, тот поймет), Вера заприметила.

Ну, откровенно говоря, Игорь и сам считал, что Онопко получился неплохо. Карикатуру опознали все. Даже Брюханов лично смотрел, постоял с минуту, и удовлетворенно хмыкнув, отошел. А уж после, на летучке, сказал веско (это Игорю потом передавали): «Вам, товарищ Онопко, нужно подтянуться по отдельным позициям. Хочется, знаете, видеть товарищей на Доске почета, а не в виде карикатур. У нас, знаете, тут не «Крокодил» и не «Фитиль».

И дошло-таки до Онопко или нет, неизвестно, но к Игорю он подошел, и тыча ему под нос узловатым пальцем, обидчиво сказал: «Ты тут, молодой человек, не очень-то! Я тут пятнадцать лет работаю, и вообще... Если надо чего, подойди, и так прямо скажи, а то сразу рисовать! Делом лучше б занимался!».

В общем, попал Игорь рисунком в десятку. Надолго или нет, но сбавил Онопко обороты. И поллитру требовать за каждую машину внеплановую, и женщин матом посылать перестал. Вот она, сила искусства! И результат есть, и никого не обидели – рисунок ведь без подписи! А что на Онопко похож – так и Семенович из бухгалтерии тоже вылитый Гитлер, только без усов – и никто ж на него пальцем не показывает!

Ровным безжизненным светом горели плафоны освещения. Игорь обратил внимание, что четвертую и седьмую лампы наконец-то поменяли.

Не прошло, как говорится, и трех месяцев.

Коридор был непривычно пустым. Все на рабочих местах. Игорю даже показалось, что он слышит, где-то далеко-далеко, на самом пределе слуха, исполинское дыхание установки. Пульсирует кровь, нервные окончания передают сигналы, и огромный слаженный организм, частью которого является он сам, живет своей жизнью.

Игорь рывком открыл двери на лестничную клетку и нос к носу столкнулся выходящим Акимовым.

– Тээк-с, молодой человек – зловеще сверкнул очками начальник смены. – Где это тебя носит? Почему я втык должен от начальства получать, когда кто-то гуляет, а?

Обычно спокойный, сейчас он был очень возбужден.

– Я, Александр Федорыч, собственно... – пробормотал Игорь – стенгазету к Первому мая...

– Да какая к черту стенгазета! Меня тут на части рвут, а ты там всякими глупостями занимаешься! – Акимов помолчал, остывая. Игорь терпеливо ждал.

– Значит, так. – Большим пальцем начальник смены указал куда-то себе за спину. – Быстро переодевайся и вперед! И так уже... – он махнул рукой.

– Есть! – молодцевато сказал Игорь и понесся в раздевалку.

Когда он торопливо переодевался, скрипнула дверь, и вошел Славка, вихрастый парень лет двадцати двух, ровесник Игоря.

Подойдя к своему шкафчику, он открыл его, положил сверху каску, достал бутерброд и причмокнув, стал его торопливо поедать.

Запахло «Любительской».

– Ты что, из голодного края? – спросил Игорь, застегивая снежно-белую куртку.

Славка что-то промычал.

– Чего? – не понял Игорь, подходя поближе.

Славка торопливо проглотил очередной кусок и более внятно произнес:

– Огурец будешь? Свежий.

– Буду. А чего это ты огурцы раздаешь? – спросил Игорь, с удовольствием откусывая хрустящий кусочек.

– Да бабка приехала в гости и привезла... А в наш гастром в центральный привезли кальмары, так мы салат делали... А там и огурцы по рецепту положено!

– Кальмары? Фу! Это ж гадость! – Игорь скривился.

– И ничего и не гадость! Ты просто не пробовал... Так это вчера! А сегодня – туда-сюда, я и пожрать толком не успел! – сказал Славка, махнув рукой с бутербродом.

– Так в буфет иди! – удивился Игорь.

– Какой еще буфет! Во-первых, буфет и не работает вовсе, а если и работал бы – Акимов увидит – орать начнет! И так сегодня носится, будто шило в одном месте!

– Ага! – согласился Игорь, – я и то заметил. Все какие-то дерганые! Проверка, что ли, какая?

– Да какая проверка! – Славка вытер руки о комбинезон и захлопнул дверцу. – Ты что! Сегодня же реактор останавливаем!

– Как останавливаем? – ошарашено спросил Игорь, уже собираясь выходить и остановившись на пороге.

– Да вот так, на профилактику, и еще опыт будет! Еще утром начали... Как ты мог не слышать?!

– Как, как! Я выходной был, а потом Верке газету рисовал... Ладно, я побежал! – И Игорь рванул по коридору.

Сегодня утром, вернее ночью, началась запланированная остановка реактора для планово-предупредительного ремонта. Обычно, во время подобных остановок проводятся всевозможные испытания оборудования, как регламентные, так и особые, по специальным программам.

Сейчас проходило испытание так называемого режима «выбега ротора турбогенератора». Если все пройдет нормально, на станции появится дополнительная система аварийного электроснабжения.

Режим «выбега», предложенный светлыми головами из «Гидропроекта», позволил бы использовать кинетическую энергию ротора турбогенератора для обеспечения электропитанием питательных и главных циркуляционных насосов в том случае, если бы внезапно, по какой-либо причине пропало электричество, необходимое для работы станции.

То есть, другими словами, суть эксперимента заключалась в моделировании ситуации, когда турбогенератор мо-

жет остаться без своей движущей силы, то есть без пара. Для этого был разработан специальный режим, в соответствии с которым при отключении подачи пара, генератор какое-то время продолжал вырабатывать электроэнергию, необходимую для собственных нужд, в частности для питания основных насосов за счет инерционного вращения ротора.

По условиям испытания мощность реактора необходимо было снизить до двадцати-тридцати процентов от рабочей.

В течение дня она была снижена примерно до половины, и отключена система аварийного охлаждения. Дальнейшее снижение диспетчер «Киевэнерго», руководствуясь какими-то своими соображениями, запретил.

Однако, спустя несколько часов, ровно в одиннадцать вечера он дал добро на останов, и мощность стали понижать.

В обычных условиях вручную регулировать резервное питание не получается – автоматика сама решает, в какой момент времени подавать его. И эксперимент оказывается на грани фола, – при попытке снизить мощность реактора ниже положенного предела, аварийное электропитание включается само. Это, конечно, правильно, да только в данном случае очень мешает.

Как известно, голь на выдумки хитра – обошли и это. Если реактор все равно останавливать, так зачем тогда вся эта аварийная система, создающая, в данном случае, проблемы?

Ее нужно просто... «выкл».

Щелк, и готово!

Эксперимент продолжался.

Игорю было нестерпимо стыдно. Как же так? Пока он там малевал, товарищи выполняли невероятное по своей важности задание! Самое обидное, что именно тогда, когда его нет! Конечно, и он не баклуши бил, а занимался важной общественной работой, но все же, но все же...

Сняв показания, Игорь забежал к Паламарчуку за прибором и заодно вернул ему взятую взаймы третьего дня трешку. Мимоходом он бросил взгляд на новенькую «Электронику», блестящую на руке.

23-57. Без трех минут двенадцать.

Вернувшись на щит управления, Игорь хотел было подойти к Акимову, но тот, шевеля усами, о чем-то разговаривал с Дятловым, замом главного инженера по эксплуатации, в другом конце зала. Ладно, подождем. Акимов поймал взгляд Игоря и кивнул.

Игорь подошел к стажеру Кудрявцеву, увлеченно следившему за температурными показателями.

– Что тут у вас? – тихонько спросил он у Кудрявцева под едва слышное ровное гудение приборов.

– Работаем, – так же тихо ответил тот.

Игорь деловито прошелся по огромному залу, построенному в виде половинки круга, и, аккуратно положив чемоданчик на тумбочку, присел на стоявший возле пульта стул.

Оператор, молодой человек немногим старше самого Игоря, внимательно следил за показаниями приборов, лишь из-

редка нажимая на клавиши регулировки. Прямо перед ним висела панель, схематично изображающая реактор в миниатюре. Не глядя на пульт, оператор безошибочно касался нужных кнопок.

Индикаторы левой панели поочередно тускнели – автоматика отключалась.

«Виртуоз!» – восхищенно подумал Игорь.

Нажав очередную кнопку, оператор оттолкнулся вместе с креслом, и в один миг оказался возле Игоря. Скрипнули колесики и кресло замерло в нескольких сантиметрах от ноги Игоря.

– Ну ты даешь, Ленька! – покрутил головой Игорь.

– Учись, пацан, пока я жив! – довольно улыбнулся оператор, подкручивая усы, будто заправский мушкетер.

Игорю эта шутка показалась очень смешной. Надо же, пока я жив!

Между тем Леня порылся в кармане халата, что-то вытащил и протянул Игорю какую-то белую полосочку.

– Держи!

– Что это? – с любопытством спросил Игорь, протягивая руку.

– Настоящий «Риглисперминт»! – гордо сказал Леонид.

– Чего?

– Жвачка такая. Американская. Попробуй!

Игорь аккуратно развернул обертку и осторожно понюхал блестящую фольгу. Покосился на стоящее невдалеке началь-

ство, и осторожно сунул в рот ароматную пластинку.

Надо же! Какой оригинальный вкус! Правда щиплет немного, что ли, но как необычно!

– Что, пацан, не пробовал? То-то! Держи еще! – и оператор протянул Игорю еще пластинку.

– Спасибо! – поблагодарил тот.

– Что там, Леня? – громко спросил Дятлов из своего угла.

– В порядке, Анатолий Степанович, – тотчас отозвался Леня, постучав по металлической крышке. – Мощность семьсот пятьдесят мегаватт тепловых, ОЗР – двадцать четыре стержня, все по регламенту.

– Ну добро. – Дятлов прижал ладонь к щеке, ненадолго задумался, и повернулся к Акимову.

– Я пойду пройдуся, гляну там, как и что, особенно где фон, и вернусь.

– Турбину надо померять, – негромко сказал Акимов, глядя перед собой.

Дятлов похлопал его по плечу и вышел.

Игорь, осторожно двигая челюстями, чтобы никто не видел, кивнул. Правильно. Всегда, при каждой остановке на ремонт, вибрацию измеряют на холостом ходу, чтобы не нагружать генератор.

Специалисты, они свое дело знают.

Леня оттолкнулся на своем кресле и отъехал в сторону.

Кудрявцев взял со стола таблицу распределения нагрузок и подошел к Акимову.

«Этот тоже толковый» – подумал Игорь. Совсем недавно, а уже пару рацпредложений внес.

Если голова на плечах, везде к месту придешься. Но если разобраться, Игорь тоже не лыком шит. Красный диплом, чтением увлекается, техникой, четыре языка знает и пятый учит, и в волейбол играет уже почти десять лет! К тому же...

Додумать Игорь не успел.

– Алексанфедыч! – встревоженно сказал Леонид, попеременно глядя то на оранжевое табло индикатора мощности, то на датчики тепловой нагрузки.

– Что? – Акимов тут же оказался рядом, и опершись на плечо оператора, склонился над пультом.

Кудрявцев подошел и встал рядом.

– На переходе падаем! – Леонид кивнул на подковообразный пульт.

– Черт! – Локоть Акимова скользнул вниз по спине оператора, и он чуть не упал. – Сколько сейчас?

– Тридцать.

– Поднимай мощность резервным... Да плавнее, плавнее! – вскрикнул начальник смены.

– Да плавнее ж... – Пробормотал Леонид.

– Спокойней, Саш, – негромко сказал начальник предыдущей смены Трегуб, стоявший рядом.

Акимов судорожно выдохнул.

Игорь осторожно привстал со стула и вытянув шею, смотрел на тревожно мерцающие огоньки.

– Идет? – Кудрявцев напряженно следил за руками оператора.

– Идет. Потихоньку.

Акимов вытер лоб.

– Ничего. Это нормально. Бывает.

– Бывает. – Кивнул Трегуб.

Напряжение спало. С облегчением выдохнув, Игорь уселся обратно.

Леонид украдкой смахнул каплю пота, побежавшую по щеке.

В полпервого вернулся Дятлов. Бросив взгляд на диаграмму записи, он подошел к пульту.

– При переходе на регулятор с БИКами, мощность упала до тридцати. Сейчас поднимаем, уже шестьдесят три, – отрапортовал Акимов, и покачивая головой, добавил потише:

– Что-то я нервничаю.

– Бывает. – Дятлов выставил перед собой согнутые локти, словно физкультурник на зарядке и несколько раз энергично повернулся в стороны. В поясице хрустнуло.

– Поднимайте дальше. Если что – сразу зовите.

– Есть, Анатолий Степанович.

Дятлов повернулся к Игорю.

– Сбегай по-молодецки, попроси Метленко ко мне.

– Сейчас, Анатолий Степанович! – Игорь вскочил и пошел к двери, забыв, что хотел передать Акимову.

– Да, Игорек, на обратном пути заскочи к Гусеву, и скажи,

что я хотел бы знать, чего это у нас на территории посторонние гуляют, как в парке!

– Какие еще посторонние? – удивился Акимов, глядя на Дятлова поверх очков.

– Да видел я каких-то, двоих, шли, как на прогулке. Там, – зам главного инженера по эксплуатации махнул рукой, – возле третьего щита, как раз под укладкой.

Игорь замер, держа ручку двери.

– Да показалось вам, Анатолий Степанович! – Акимов хмыкнул. – Там же фонит, не дай Боже, как! Самоубийцы они, что ли! Да и как туда попадешь! Вход-то со стороны платформ! А там охрана.

– Может, и показалось. Темно... – Дятлов пожал плечами. – Но Гусев пускай проверит все равно. – Он хмыкнул. – Ты смотри, в рифму прямо...

– Хорошо! – крикнул Игорь, быстрым шагом идя по коридору.

Неужели действительно на территорию станции проникли посторонние? Ведь это строгойше запрещено! А если это шпионы, или хуже того, диверсанты? Враг ведь, как известно, не дремлет. Нет, тут нужно досконально все проверить.

Он нашел Метленко и передал ему просьбу Дятлова, а потом отправился в сектор охраны. Проходя через вестибюль, он бросил взгляд на горевшие зеленым светом большие электронные часы.

00:41.

Подойдя к стеклянному барьеру, он увидел охранника Вову, читавшего «Известия» под монотонное бормотание радиоприемника.

Интересно, что это за волна такая в без двадцати час? «Голос Америки», что ли? Но отсюда не было слышно.

– А где Гусев? – строго спросил Вова Игорь. Нечего на посту читать.

Вова крикнул и неопределенно махнул рукой.

– Та десь тут!

– Где именно? Его Дятлов ищет! Срочно! – сгустил краски Игорь.

Вова закричал и поднялся. За его спиной висел большой отрывной календарь. Если верить календарю, сегодня была пятница, 25 апреля 1986 года. Календарь опаздывал более, чем на сорок минут, если верить часам.

– Так на территории!

Игорь махнул рукой и вышел. В голову пришла мысль, что Гусев мог отправиться на пульт и сейчас находится там. Он торопливо пошел обратно.

Подойдя к дверям, ведущим в зал щита управления, Игорь осторожно приоткрыл одну створку.

Внутри было полно народу.

Леня, крутясь на своем кресле, крикнул кому-то:

– Перевел АЗ на останов турбины. Первый контур – давление снижено! С пятьдесят пять на пятьдесят!

– Так! Теперь блокируй сигнал. (Это Акимов).

– Сигнал аварийной защиты блокирован! – Леонид торопливо защелкал переключателями.

Гусева среди них не было.

Игорь аккуратно прикрыл дверь, и решил продолжать поиски.

Он обошел все помещения, но ни Гусева, ни других охранников нигде не было. Остальные сотрудники были на своих местах, добросовестно выполняя работу.

– Да что ж они, сквозь землю провалились, что ли! – в сердцах воскликнул Игорь. Одно расстройство из-за этого Гусева!

Во-первых, не будет выполнено поручение Дятлова, во-вторых, сейчас нужно находиться там, на пульте управления, рядом с товарищами и присутствовать при эксперименте!

За полчаса он обежал территорию энергоблока, и никого из охраны не нашел. Уваленъ Вова был, разумеется, не в счет.

Поколебавшись, Игорь отправился к центральному залу – единственному месту, где еще не был, потому что охране там делать нечего.

Подойдя к металлической двери с надписью «Осторожно! Опасно для жизни» он решительно потянул ее на себя. Дверь неслышно приоткрылась.

Защитного костюма у Игоря, разумеется, не было, и входя на территорию с повышенным радиационным фоном, он фактически нарушал инструкцию.

Но этому было оправдание – приказ вышестоящего руко-

водителя. К тому же, ситуация была серьезной – на территории вполне могли находиться посторонние лица. Просто так забрести сюда никто не может, к тому же во время эксперимента государственного значения.

Получить сильную дозу радиации Игорь не боялся – Акимов как-то обмолвился, что час-два проведенные внутри, вреда организму не нанесут.

Поднявшись по металлической лесенке на галерею, опоясывающую огромный, чуть ли не километровый зал, Игорь стал всматриваться в полумрак помещения. Между опорными колоннами разгрузочной машины что-то мелькнуло. Игорь осторожно передвинулся левее – с того места, где он стоял, плохо было видно.

Он всмотрелся и замер. Внизу, шагах в пятидесяти, бесшумно, словно плывя, двигались два силуэта. Они то исчезали, то появлялись, выныривая из-за работающих агрегатов, и постепенно приближаясь.

Двое, судя по всему, мужчин, в серых бесформенных плащах с капюшонами, словно монахи времен Ивана Грозного. Идущий последним держал под мышкой что-то длинное и большое, словно полено.

Изредка по силуэтам пробегала рябь, словно на экране плохо настроенного телевизора. Игорь протер глаза.

Неизвестные остановились почти напротив места, где стоял Игорь. На всякий случай тот присел, и на корточках отодвинулся подальше, чтобы белый комбинезон его не выдал.

Второй, который нес полено, аккуратно положил его на пол, присел на корточки, и чем-то защелкал.

Первый шагнул куда-то в тень, через некоторое время вернулся, таща за собой какой-то продолговатый сверток, и швырнул его перед собой.

Раздался стон, и Игорь увидел связанного человека. Приглядевшись, он с ужасом узнал в стонавшем Валеру Ходемчука, оператора реакторного отделения. Но почему он связан, и кто эти двое?

– Какие? – странным тонким голосом спросил первый у Валеры.

Тот отрицательно покачал головой. Выше виска у него была видна черная рана, из которой медленно струилась кровь.

– Это опасно... – хрипло произнес он.

Неизвестный вытянул неожиданно длинный палец в перчатке и коснулся им раны. Ходемчук застонал.

Пытка, очевидно, доставляла мучителю удовольствие. Он не спеша ковырялся в ране мужчины. Тот старался терпеть, но из-за сильной боли порой срывался на стон.

– Я жду! – пискляво напомнил палач.

– Мы по... гибнем! Нельзя трогать ру.. биль... ники – простонал Валера, пытаясь освободить скрученные проволокой за спиной руки. Похоже, что проволока была колючей – рукава куртки Ходемчука висели лоскутами, и руки были покрыты кровоточащими ранами. Каждое движение приносило пленнику невыносимые мучения.

Второй между тем закончил, и взяв бревно подмышку, легко перемахнул через перила, с трехметровой высоты вниз, к бассейну выдержки.

Валерин мучитель подошел к рубильникам, висевшим на стене, и стал поочередно переводить их в противоположное положение.

Его мешковатый силуэт и скорчившуюся фигуру Валеры озарило красным светом контрольного маячка, словно фотографов, проявляющих пленку.

Коротко звякнул звонок и сразу замолчал, потому что неизвестный, встав на цыпочки, одним движением вырвал его из стены.

– Спрашиваю последний раз! – пропищал неизвестный, обращаясь к Валере, небрежно помахивая огромным, размером с кастрюлю, звонком.

Ходемчук повернул окровавленную голову к своему палачу, и попытался плюнуть на него, но не смог.

Неизвестный приблизился к Валере и без размаха опустил звонок ему на голову. Раздался хруст и тело Валеры Ходемчука обмякло. Убийца разжал пальцы, оставляя в черепе мужчины комок металла, погруженный до половины.

Затем наклонился, взял тело за пояс и одним движением швырнул его через перила вниз, на шахматные квадратики трактов технологических каналов.

Безвольной куклой то, что недавно было опытным специалистом, надежным товарищем и просто хорошим челове-

ком Валерой Ходемчуком, глухо ударилось о наконечники регулирующих стержней.

Игорь окаменел. Он неплохо знал Ходемчука, часто сталкивался с ним по работе, но даже представить себе не мог, что этот человек оказался настоящим героем.

А как бы вел себя Игорь, окажись он на месте Валеры? Смог бы он, не боясь смерти, плевать врагам в лицо, и выдержать такие мучения?

Валера погиб не напрасно. Теперь диверсантам ничего не остается делать, кроме как убираться восвояси – не зная комбинации рубильников, контролирующих подачу энергии на реактор в обход центрального пульта, вывести из строя реактор и сорвать эксперимент они не смогут – скорее сами взлетят на воздух.

Опытный оператор, зная все нюансы, теоретически может, конечно, «отравить» реактор либо повредить его и успеть удалиться на безопасное расстояние. Таким оператором был Валера. А сами диверсанты теперь не справятся.

Однако Игорь ошибся.

Откуда-то из глубины послышался гул.

Исполинский круг, вымощенный наконечниками стержней реактора, стал подрагивать.

Избыток пара шевелил металлические кубики, каждый из которых весил более трехсот пятидесяти килограммов, словно ребенок – настольную мозаику.

Зрелище было ужасающим, но Игорь не мог оторваться,

заворожено глядя на демонстрацию этой поистине необозримой мощи человеческого гения.

Резко зазвонил телефон внутренней связи. Это центральный пульт, пытаются понять, что происходит. Неужели телекамеры, транслирующие изображение, не работают?

Давление нарастало. Верхушки стержней шевелились, выдвигаясь чуть ли не по колено. Тело Валеры неуклюже каталось, бросаемое неумолимо безжалостными поршнями.

Между тем, убийца достал из кармана нечто, похожее на шар, что-то нажал на нем, и небрежно толкнув ногой, катнул его под основание разгрузочно-загрузочной машины.

Холодея, Игорь каким-то шестым чувством понял, что это бомба, такая же бомба, как на агитплакате в раздевалке! А что, если это бомба с часовым механизмом? Что делать? Нужно срочно предупредить других! Но тело отказывалось повиноваться.

Игорь не успел подумать о возможных последствиях.

Сам не ожидая от себя ничего подобного, он неожиданно высунулся и срывающимся фальцетом крикнул вниз, в глубину зала: «Руки вверх!».

Среди нарастающего шума голос выстрелил тревогой и рассыпался по залу ломаным эхом.

Диверсанты дернулись от неожиданности, и тот, что убил Валеру, неожиданно развернулся, оттолкнулся и прыгнул.

Одним прыжком неизвестный преодолел тридцать метров расстояния, и приземлился прямо на металлические перила

галереи, в полуметре от Игоря.

Игорь отшатнулся, успев заметить в неровном свете лишь вцепившиеся в поручень, покрытые наростами темные лапы с птичьими когтями, выглянувшие из-под задравшегося плаща.

Парализованный страхом, он попытался бежать, но ноги не повиновались ему.

Ужасная тварь размахнулась, но сделать ничего не успела: сильная рука схватила Игоря за плечо и отбросила вбок, к стене.

Перед чудовищем, неизвестно откуда появившийся, встал незнакомый мужчина, высокий, чуть сутулый, в темном старомодном сюртуке. Черные с проседью волосы зачесаны назад, крючковатый нос, глубоко посаженные глаза, и волевой подбородок – словно античный легионер в профиль.

Мужчина небрежно выставил вперед ладонь, и убийца словно натолкнулся на прозрачную стену.

Неведомая сила бросила его назад, словно камень, пущенный из рогатки. Пролетев не один десяток метров и ударившись спиной о противоположную стену зала, человек-птица камнем рухнул вниз.

Его напарник судорожным движением сунул руку под плащ.

Мужчина рванулся вперед, но он не успевал. Шар, закатившийся под опору, ожил, мигнул веселым желтым огоньком, отчетливо пискнул и выплеснулся ярким огненным ва-

лом.

Весь зал под самый потолок мгновенно утонул в гудящем пламени.

Неизвестный вскинул кисть руки, и между Игорем и огненной лавиной возникла зеленоватым полукругом стена мутного стекла, сквозь которую отчетливо видны были клубящиеся волны пламени.

Вторая, такая же, из ниоткуда появилась внизу, у основания машины, где находился взрывник.

Замолчал звонок телефона.

Огонь пожирал все – пластмассу, резину и металл.

От ужасной жары начали прогорать свисающие с мостового крана тросы. Шкафы с аппаратурой просели и изогнулись причудливыми фигурами.

Пламя лизнуло мужчину, но безрезультатно: одежда на нем даже не задымилась.

Игорь, глядя на происходящее под непроницаемой защитой стены, совсем не чувствовал невероятной температуры, исторгаемой бушующей в одном шаге стихией.

Стальной пол и перила, не попавшие в защитный круг, стали наливаться кумачом, и он с ужасом подумал о том, что будет, если эта необычная стена не выдержит.

Вскинув голову, мужчина начал сводить вместе пальцы руки, будто сжимая теннисный мяч. Барьер стал расширяться, постепенно охватывая весь гигантский реакторный цех.

Пламя, заключенное в прозрачный плен, нехотя уступало.

На висках у мужчины сверкнули капли пота, спина в старомодном сюртуке напряглась.

Показались раскаленные стены с покореженной обшивкой. Огонь отчаянно сопротивлялся, но он проигрывал. Неведомая сила загоняла пламя туда, где оно родилось.

Вот уже огненный шар диаметром в десяток метров уменьшается до размеров грузовика, затем телефонной будки и наконец, опадает бессильными хлопьями внутри растаявшей сферы.

Воздух сам собой осветился мягким светом.

Кокон растаял, в лицо пахнуло едким, металлическим жаром, и одновременно мужчина сделал шаг к раскаленным покореженным перилам, уверенно вытягивая вперед руку.

Через мгновение он уже сжимал за горло одну из уцелевших тварей, свободно держа ее на весу. Под когтистыми лапами чудовища, в десятке метров внизу, шипели, остывая плиты пола, медленно меняя цвет с алого на вишневый.

Капюшон твари, обгоревший с одной стороны, откинулся, и взору Игоря открылась отвратительная харя. Черная голова, покрытая то ли морщинистой кожей, то ли короткой шерстью. Вместо рта и носа – короткий вертикальный клюв, в котором роль роговых пластин играли расположенные боком лиловые человеческие губы.

Глаза почти человеческие, карие, только совершенно круглые, без ресниц, располагались на уровне щек.

Игорь с отвращением, напололам смешанным с любопыт-

ством, пожирал глазами необычное зрелище.

Тварь, несмотря на всю свою невероятную физическую силу, клекотала, пытаясь цепкими пальцами схватить мужчину за руку, и в то же время отдергивала их, словно боясь обжечься.

Мужчина пристально смотрел на извивающееся в его руке существо.

– Зачем? – произнес он звучным голосом одно-единственное слово.

– Это он! Он убил Валеру! – хрипло сказал Игорь, вставая на ноги и указывая пальцем на пленника.

Существо тонко захрюкало, очевидно, смеясь.

Мужчина бросил взгляд вниз, сразу поняв, в чем дело.

«Реактор!» – мелькнуло в голове у Игоря.

Неуловимым движением мужчина легко швырнул убийцу на середину зала.

Монстр успел пролететь половину расстояния, когда произошел взрыв.

Игорь вскинул руки, пытаясь уберечь лицо, и на циферблате «Электроники» мелькнули освещенные мрачным заревом цифры «01:23».

Воздух вокруг него сгустился, превращаясь в прозрачную стену.

Земля дрогнула, и пол вывернулся наизнанку. Снизу совершенно бесшумно, и оттого еще страшнее, вырвался странный багровый свет.

Нарастающее давление низким хлопком смяло прочнейшее перекрытие, словно промокашку. Потолок исчез, и в центральный зал четвертого энергоблока заглянули безразличные звезды. Заглянули и исчезли, растворившись на фоне огня.

Многотонные машину и мостовой кран разорвало в клочья и с лязгом выбросило наружу.

Металл галереи повело в стороны, но то место, где находились Игорь и мужчина, осталось целым.

Совершенно невредимый, Игорь стоял посреди огненного хаоса и заморожено смотрел на происходящее, машинально отмечая, что происходит.

Благодаря неизвестному спасителю он уцелел во второй раз.

Пар вырвался на свободу, и вся активная зона реактора сразу и полностью обезвodiлась. Последний шанс раскаленным водяным облаком ушел в ночное небо.

Охлаждать реактор больше было нечем.

Игорь вдруг вспомнил о цилиндре – второй бомбе, оставленной внизу.

Мгновением спустя произошел второй взрыв.

Активная зона реактора частично расплавилась, а частично перешла в газообразное состояние.

Неизвестно, какова была начинка того бревна, но судя по всему, она явно способствовала взрыву, если не усилила его!

Игорь видел, как мужчина, сжав кулаки и скалясь от на-

пржения, пытался удержать исполинский огненный кокон, наполненный смертью.

Но остановить ядерный взрыв, это совсем не то, что подчинить себе обычное пламя.

Огненный столб вырвался наружу, рассыпавшись яркими живыми брызгами.

Мужчина, очевидно, не в силах справиться со взбесившимися атомами, в отчаянии сделал рукой неуловимый жест. Игорь почувствовал, что проваливается в темноту.

Последнее, что он увидел, как его неведомый спаситель, раскинув руки и запрокинув голову, словно поглощает потоки чудовищной энергии, очевидно, пытаясь не пустить их в небо, где они начнут свой погребальный танец.

Несколькими секундами позже Игорь ощутил себя лежащим на земле. Откуда-то слева шел низкий басовитый гул.

Четвертого блока больше не существовало. Вместо него, освещенная багровым заревом, безлико таращилась рваная дыра, исторгающая пламя.

Мужчина не справился.

* * *

Несколько раз Игорь пытался встать на ноги, и падал. В голове гудело, плыло. Уши были словно набиты ватой – заложило от грохота. Земля тряслась под ногами, а может, это последствия контузии?

Он осмотрелся, сидя на холодной земле. И сколько прошло времени, с того момента, как он покинул зал, неизвестно.

В нескольких шагах поблескивала водная гладь канала. В темном зеркале отражалось огненное зарево, частично скрытое ветками деревьев. Словно горит соседский сарай с сеном, как в далеком-далеком детстве.

Но, к сожалению, все было куда хуже!

Игорь пошатываясь, встал, и хватаясь руками за торчащие из земли корни, стал подниматься вверх по откосу.

Темные до этого дома стали просыпаться, вспыхивая огоньками окон. И хотя сейчас была самая, что ни на есть середина ночи, наступало печальное утро.

Самое страшное утро.

Игорь помотал головой и прислонился к стволу дерева, чтобы отдышаться. Он никак не мог уложить картину происшедшего в голове.

Каким образом он здесь очутился? Кто такой этот мужчина? Десантник? Ученый? Что это за стекло, которым он закрыл Игоря? Силовое поле, должно быть, о котором пишут в книгах писатели-фантасты? А ему самому, выходит, огонь был нипочем? И что же с ним стало, он погиб?

Наверное, погиб. Будь ты даже в метровой толщины свинцовом костюме, и окружи себя хоть десятью полями – с атомом шутики плохи! Мужчина его спас, чтобы самому погибнуть в огненном смерче, устроенном этими чертовыми пти-

цами!

Или это никакие не птицы, а всего лишь хорошо тренированные люди, нацепившие необычные дыхательные маски и когти – когти, наподобие, как у монтеров, чтобы лазать по стенам!

Игорь покачал головой и пошатываясь, побрел через темную поляну к дороге, на ходу снимая изрядно испачканную куртку. От радиации она не защитит, а таскать на себе тряпки, уже получившие первичную дозу, ни к чему!

Если вспомнить все лекции по гражданской обороне, то сейчас он должен был бежать как можно дальше от станции, против ветра, прикрываясь деревьями или домами.

Да, должен бы.

Но там остались товарищи. Несомненно, жертвы есть. И еще будут. Валера Ходемчук первый. Но долг комсомольца и советского человека – сделать все, чтобы их количество было минимальным.

Да и найти тело того мужчины. Когда все остынет. Чтобы предать его земле со всеми почестями.

Неожиданно снизу подкатило, и Игоря вырвало. В животе бурлило, словно он поел на ужин карбиду, и обильно запил водой.

Рвота принесла облегчение, но ненадолго.

Он отдышался, вытер рот и едва сделал несколько шагов, как все повторилось. В голове вертелась одно и то же слово: «Кальмары». Он представил себе этих кальмаров – такие

огромные, размером с кошку, помесь рака и таракана, и ползут, ползут, переваливаясь на восьми мерзких, паучьих лапах, и шевелят усами.

Как эту дрянь можно есть? Вот огурец, это другое дело.

Его снова вырвало. Нет, огурец это тоже не особо. Они сейчас сплошь – нитриты да нитраты. И пестициды всякие. Сейчас бы кружку свежего, холодного молочка, глядишь бы, и полегчало.

Живот горел. Стали щипать глаза и лицо.

Игорь глубоко вздохнул, собираясь с мыслями и шатаясь побрел вперед, тря кулаками глаза, и по дуге сворачивая налево.

Потом опять вырвало.

Да что ж такое, неужели он так много съел? Ему и рвать-то нечем! Отчего это? Краски, что ли, перенюхал? Или...

Он услышал шум, крики, гудение автомобилей и все понял.

Когда он вышел к проходной, там было не протолкнуться: милиция, пожарники, врачи. Какой-то лейтенант, паренек, немногим старше его самого, спокойно отдавал команды, поразительно контрастируя с растерянными, пожилыми пожарными.

Увидев Игоря, идущего прямо ко входу, он схватил его за плечо:

– Ты куда? Кто такой?

– Гарин Игорь Маркович. Ра... ботник ста... нции, – не делая попыток освободиться, вяло сказал Игорь.

– Ты что, пьяный? – удивился лейтенант.

Игорь качнул головой.

– Не... Меня Дятлов послал. По заданию, на территорию, к Гусеву... А там реактор взорвался... А Ходемчук погиб... Его убили эти... птицы. А я успел...

Его вырвало, едва не запачкав лейтенанту форменные ботинки. Он почувствовал слабость и опустился на землю.

Лейтенант изумленно смотрел на него.

– Эй, Володя!.. – крикнул кто-то, подбегая, и уставившись на Игоря.

Игорь слабо усмехнулся и постучал себя по груди пальцем:

– Я все видел, все. Как все было, могу рассказать. Но попозже... Отдохнуть надо. По-моему, я облучился...

...Дальше все было как в тумане. Словно он плавал на надувном матрасе посреди океана. Или нет, озера. Огромного пресного озера.

То погружаясь под воду, словно кит, непонятным образом дыша под водой, то выныривая на поверхность и обгорая в лучах безжалостного солнца, тщетно пытаясь вдохнуть живой воздух.

Почему-то под водой дышалось легче.

Временами он приходил в сознание, видя себя на боль-

ничной койке. Рядом кто-то лежал, временами шелестел газетой, звенел стаканом, крутил радиоприемник... Это раздражало, но не сильно.

Он мог говорить, но говорить не получалось. А хотелось узнать, какой сегодня день, все ли в порядке с людьми, потушили пожар или нет?

Приходили врачи, что-то делали, кололи какие-то уколы, ставили капельницы, а потом наступал покой.

И никто не приходил, не спрашивал о происшедшем.

IV

Я потряс головой, приходя в себя. Все, рассказанное Дайроном, запечатлелось в мозгу яркими картинками, словно я смотрел объемный фильм.

– А... Что потом?

– Потом? – Дайрон пожал плечами. – Что именно тебя интересует? Какое «потом»?

– Ты не смог полностью остановить взрыв. – Негромко сказал Миша, словно констатируя факт.

Дайрон кивнул.

– Не смог. Я не знал, с чем имею дело. Вернее, знал, но очень поверхностно. И потому не поступил должным образом. Поставил барьер, но неправильно... Благодаря чему он, – мальчишка кивнул на Гарри, – и получил стократную дозу радиации!

– Как человек, который верит прогнозу погоды, и берет

зонтик. — Хрипло сказал Гарри, не глядя на нас.

— А нужно пальто... — задумчиво сказал Миша, и наклонил голову. — Я... М-м-м. Прошу прощения за свои слова...

Он поочередно посмотрел на Дайрона, а потом на меня и добавил:

— У всех.

Повисла неловкая пауза. У меня отлегло от сердца.

Я вопросительно посмотрел на так не и не проронившую ни слова Маргариту.

Она посмотрела на меня и едва заметно кивнула.

Успокоилась, значит.

— Но что это за бомба? Или бомбы, — спросил я.

Дайрон обернулся ко мне.

— Я так думаю, что для получения настоящего ядерного взрыва. Взрыв реактора должен был служить детонатором для того... полена. А шар — детонатором для реактора.

Джейсон хмыкнул, покачал головой и снова всунул наушники в уши.

— Зачем такие сложности? — недоуменно спросил я. — Кинули свое бревно, и взрывайте реактор!

Миша покачал головой.

— Не все так просто! Если сложить в поленницу двадцать атомных бомб, и взорвать одну — не значит, что сила взрыва будет сильнее в двадцать раз! Возможно, что взрыв и будет несколько сильнее — по ряду причин, возможны и случайности... Но говорю, количество не прямо пропорционально си-

ле взрыва!

Он побарабанил пальцами по подлокотнику.

– А в данном случае... Взрыв вашего бревна должен был совпасть со взрывом реактора, и тогда, особенно учитывая его начинку – тяжелые металлы, например, – получится ядерная бомба!

– Или кобальтовая, – тихо вставил Гарри.

– Ну, это грубая прикидка конечно, – наклонил голову Миша. – Я не специалист по таким делам, но... с точки зрения теории, думаю, это возможно. Как реализовать это на практике – не знаю! И возможно, никто не знает – кроме старика Эйнштейна... Но идея изящная.

– Я все же не пойму, – упрямо сказал я. – Растолкуй мне, рядовому идиоту, эту изящную идею.

– Ну это предположение только, – развел Миша руками. – Я лично думаю, что все было таким образом: вот ты диверсант. И решаешь взорвать это свое бревно, по самую макушку напичканное разнообразной дрянью, при помощи реактора. Чтобы не тратиться на свою атомную бомбу. Ну нету у тебя урана или плутония! А Джейсон, к примеру, продает его слишком дорого. Так?

– Ну, – согласился я.

– Как ты вычислишь, в какой момент реактор взорвется? Переключая рубильники и кнопки. Даже если ты оператор и специалист семи пядей во лбу?

Я пожал плечами. Откуда я знаю?

– Никак. – Сказал Гарри. – Максимум – точность пять-семь секунд. Ну – три.

– Вот видишь! А это очень большой разрыв во времени. Значит, делается все проще. Приводят реактор в состоянии аварийности – когда все начинает бурлить и закипать, а потом взрывают шар – первую бомбу.

Я с интересом слушал, начиная понимать идею.

– И вот, – продолжал Миша, – этот шар взрывается, выделяя столько тепла, что можно спалить все энергоблоки вместе с гаражами, курятниками и скамейками для отдыха. Практически, подготавливая реактор и корректируя временной расчет. По радио, или термоэлементом, не важно. И в момент взрыва реактора детонирует то полено. И все. – Миша звонко щелкнул пальцами.

– Да зачем так сложно? Еще время вычислять? Бросайте свое полено, и делайте ноги! А оно само взорвется. Еще и шары эти предварительные!.. Смысл?

– Смысл в том, – терпеливо разъяснил Миша, – что начинка полена могла состоять из элементов, которые нужно привести в определенное состояние. Температурой, допустим. Что и произошло.

– Но это невозможно, – пробормотал я.

Миша кивнул.

– Согласен. Я ж говорю в теории... Но кому-то это могло удалиться.

– И удалось. – Негромко произнес Дайрон.

Все взгляды обратились к нему. Гарри судорожно сглотнул.

– То есть? – неуверенно нарушил я тишину.

Дайрон молчал.

Миша кашлянул.

– Насколько я помню, взрыв не классифицировали, как атомный или ядерный... И на месте взрыва не нашли ничего, даже отдаленно напоминавшего бомбу... Хотя, в то время подобная информация не афишировалась... Так что...

– Не нашли, – подтвердил Гарри. – А цилиндр взорвался. Да. И... гм, Дайрон... поглотил все, что предназначалось Украине, Белоруссии и России. И спас меня. – Он прокашлялся, и негромко добавил:

– И еще миллионы.

Повисла гробовая тишина.

Я смотрел на Мишу. Тот застыл, уставившись глазами в одну точку, начиная понимать масштабы происшедшего.

– Так что выброс в атмосферу оказался относительно чистым... – пробормотал он.

Гарри криво усмехнулся.

– Ну да. Только об этом знаю лишь я. А не Володька Правик, что меня в больницу отправил, а сам через две недели в больнице умер от облучения! И не остальные, которые пожар тушили все вместе, и умерли тоже вместе! Или Дятлов? Ни за что четыре года отсидел, а потом тоже – умер! До сих пор, между прочим, его считают виновным! За что? – Гарри

повысил голос.

Миша хотел было ответить, но я едва заметно покачал головой.

– А Топтунов, Ленка! Он меня жвачкой угощал, за полчаса до взрыва... – Гарри перешел на шепот. – А потом со всеми работал, боролся, когда я уже в больнице лежал! Или...

– Хватит! – резко сказал Дайрон.

Гарри замолчал.

– Вы не думали о реабилитации тех людей? – ляпнул я.

Гарри подскочил, но повинуясь жесту Дайрона, замер, сверля меня ненавидящим взглядом.

– О какой реабилитации ты говоришь? – осведомился Дайрон. – Дать публикацию в газету? Или выступить на телевидении? Рассказать о диверсии? Или сразу – о попытке ликвидации взрыва?

Я молчал, не зная, что ответить.

– А как ты выжил? – спросил Миша у Гарри. – Ближе всех к эпицентру взрыва... Из людей, я имею ввиду. – Он мельком посмотрел на Дайрона.

– Ближе всех был Ходемчук, – глухо сказал Гарри, рассматривая свои ногти. Потом он поднял голову и посмотрел на Голубых.

– А я и не выжил... Я провалился в больнице месяц! У меня стали чернеть конечности, представляешь! Кисти, ступни! Гангрена, вот как это называется! Мне их отрезали. При-

чем не сразу, а постепенно, говорили что сразу – большой стресс для организма. Стресс, ну надо же! Кто бы мог подумать! А отрезали – все равно толку нет! Оно себе дальше гниет! Они – по локоть и по колено, дальше режут себе. Спасают, понимаешь, человека. А он, – Гарри ткнул себя в грудь – уже труп. Во всех смыслах! Но одно дело умереть от радиации, а другое – от гангрены. В советском институте, твою мать!

Он покачал головой.

– А ведь я был на особом контроле! Как первый пострадавший! – И вдруг рассмеялся каким-то зловещим смехом:

– И последний!

– И что потом? – любопытствовал я. – Как ты выбрался? И кстати, кто диверсию-то готовил?

– Вопрос не в том, кто готовил, а – зачем? – поправил меня Миша.

Дайрон вздохнул.

– Я тоже задался этим вопросом. Основание вмешаться имелось – агрессия, в сущности, была направлена на людей. Да, погиб один человек, но немало умерло впоследствии, а уж пострадало – гораздо больше! Когда я пришел в себя – наверное, через несколько минут после взрыва, то сразу отправился на юг Франции. К Гнезду.

– К Гнезду? – переспросил Миша, вспоминая. – Граморы? Дайрон кивнул.

– Именно. Те двое были граморами. Смесь человека и

птицы. Только при соединении светлых качеств – рождается ангел, – Дайрон криво усмехнулся. – А в обратном же случае, получилось нечто вроде горгулий!.. Или гарпий. – Он по-детски пожал плечами.

– Они строят гнезда, в пещерах, словно гулы, с единственным отличием, что пещеры находятся не под землей, а выше уровня моря...

Эти – обитали на побережье, гора Фарон, вблизи Тулона. На тот момент я, признаться, был разъярен, за что себя корю до сих пор... Но это лирика. В подобных ситуациях эмоции неуместны.

Практически же, я сжег это гнездо менее, чем за десять секунд. И ждал, пока они умрут в огне, слушая их крики... Старики, самки, дети... Плоть горела, как бумага, от этого огня спасения нет... Все пещеры, эти паутины переходов и гроты – они вспыхнули вмиг! Все сгорело, расплавилось. Вершина горы осела, растаяла, словно сахар...

Мальчишка, прищурившись смотрел вдаль, на белесые клочья облаков.

– Это жестокая мера. – Раздельно сказал я.

– Жестокая? – Дайрон медленно перевел взгляд на меня. – Да, ты прав. Но вынужденная. Я позволил им быть с людьми, получив взамен уверения в вечной признательности и клятвенное обещание никогда, ни при каких обстоятельствах не приносить людям вреда... – Он печально усмехнулся. – Один за всех и все за одного.

– Но мало ли что! – не отступал я. – Наказывать всех за проступок одного... Или дети врагов народа наши враги?

– Я не чиновник, которого можно подкупить взяткой или уговорить! – отрезал Дайрон. – И не торговец рыбой! Я не меняю условий из-за прихотей или эмоций, а лишь слежу за их выполнением. И наказываю или награждаю, если есть необходимость! Круговая порука была одним из обязательных условий.

– А если бы ты сам нарушил договор? – не отставал я. – Что тогда? Они бы выжигали твоё гнездо? Коммуналку на Крещатике?

– Их старейшины пришли ко мне с просьбой, – сухо сказал Дайрон, – а не наоборот. И впервые за много, очень много лет я первый, кто позволил им жить на поверхности! Требуя взамен лишь одного.

– Торг здесь не уместен... – пробормотал Миша, массируя затылок. – А как ты узнал, откуда были эти двое?

– Я вообще много чего знаю, – сухо сказал мальчишка.

– Но Гарри... Выходит, ты спас его? – я остро глянул на Дайрона.

– Так выходит. – Согласился он.

– А те люди, которые умерли в больницах? Спустя несколько дней? Почему ты им не помог?

– Когда я вернулся, всё было уже кончено... – медленно сказал Дайрон. – Я опоздал. И не успел никого спасти. Гарри повезло.

Я не всемогущ и не всезнающ, к сожалению. Единственное, что я мог тогда, сразу, — это попытаться потушить пожар сразу после взрыва, и поглотить остаток радиации... Ценой собственной жизни... — Он тяжело покачал головой. — Извини. Я решил, что жизни тех людей не стоят моей.

— Как — вернулся? — не понял я. — А сколько же тебя не было?

— Месяц. — Дайрон твердо посмотрел на меня. — Сразу после уничтожения Юго-Западного Гнезда, я вернулся обратно, и обнаружил, что прошло почти тридцать дней.

— И в чем причина задержки?

— Не знаю, это до сих пор загадка для меня... Возможно, из-за того взрыва, я ослабел и... Не знаю.

Дайрон вздохнул. Вздох получился каким-то особенно человеческим.

— Но можно было хотя бы облако вернуть, не знаю, осадки там, и так далее... Что-то же можно было сделать? — наступал я.

— Можно, но я не стал этого делать!

— Почему?

— Потому что уже сделал все, что мог! Взрыв реактора во время испытаний — в силу несовершенства конструкции или человеческого фактора — лишь одно из возможных последствий! И я туда не вмешиваюсь, как не вмешиваюсь в войны или грабежи. Ты же не вмешиваешься в драку муравьев в аквариуме, хотя следишь за ними, и кормишь.

– Мы не муравьи, – возразил я.

– Это не оскорбление, а лишь аналогия, – отмахнулся Дайрон.

– А как ты узнал про реактор? – спросил Миша.

– Можно, я оставлю твой вопрос без ответа? – Дайрон откуда-то достал крошечную табакерку, доверху наполненную белым порошком, и взяв щепотку, посыпал себе руку. Порошок таял, впитываясь в кожу.

Некоторое время мы молча глазели на это. Хорошее завершение разговора.

Он что, наркоман? И ведь употребление наркотиков ему ничем не грозит, ни сроком жизни, ни заключением!

– Это сахар с солью в пропорции один к одному, – с закрытыми глазами произнес Дайрон. – Можете попробовать, если не верите.

– Зачем? – спросил Гарри.

– Этот вкус преследует меня всю жизнь, – непонятно ответил Бог.

* * *

Закрыв глаза, Дайрон сидел на диване.

Я – в своем кресле, напротив Михаила.

– Ну и дела, – негромко сказал он мне.

– Что тебя смущает? Пункт назначения? – уточнил я.

– Информация, полученная по пути. – Миша скрестил ру-

ки на груди, и посмотрел на меня.

– Да уж. – Три последних часа, в течение которых Дайрон показал нам изнанку исторических событий, дали мне немало информации.

– Черт! Выходит, я несправедливо наехал на него? – Миша задумчиво разглядывал обтекаемый потолок. – Меня что-то иногда несет, не могу держать себя в руках...

– Боишься заслуженной кары? – съязвил я, помня о его недавних выпадах.

– Да нет... Не такой уж он и страшный, как хочет показать! Но Чернобыль... – Миша по-стариковски приложил ладонь к щеке и покачал головой, – кто бы мог подумать!

– Да уж. – Снова сказал я.

А что тут скажешь? Если бы не Дайрон, вряд ли мы с Михаилом разговаривали сейчас – огромное облако смерти накрыло бы собой территории трех стран, забрав миллионы человеческих жизней.

Из-за двух выродков. И неведомого заказчика, если таковой вообще был...

– Не пойму только, зачем это им понадобилось? – словно прочитав мои мысли, произнес Михаил. – Каков ожидался результат?

– Провокация. Смерть. Пиар. Что угодно. – Я прислонился щекой к холодному стеклу иллюминатора. – Кто ж знает!

– Это верно... – Миша вздохнул, невидящим взглядом смотря перед собой. Кого он видел? Свою жену? Или дочь?

Спрашивать я не решился.

Неужели он сорвался из-за них? Или тут было что-то еще?

– А ведь это же СССР... Мощная передовая страна с тотальным контролем. – Миша чуть развернулся в кресле. – КГБ работало как часики. И не только КГБ. Никакие ЦРУ в подметки не годились. Финансирование, техника. И такое прямо под носом! Что ж тогда говорить про сегодняшний день!

Я пожал плечами.

– Я уж не помню, но вроде бы уже в восемьдесят шестом все начало приходить в упадок – дефицит, очереди...

Миша кивнул:

– Никто не работает – а план выполняется;

– План выполняется – а в магазинах ничего нет;

– В магазинах ничего нет – а в холодильниках всё есть;

– В холодильниках всё есть – а все недовольны;

– Все недовольны – но все голосуют «За».

Он усмехнулся.

– Да, было и такое. Но государственный аппарат в лице спецслужб работал должным образом!

Я хмыкнул.

– Смешно.

– Смешно... Но все-таки, я так и не пойму, – Миша наклонился ко мне поближе. – Он-то в конце концов кто?

– Бог. Он сам особо не афиширует этого, но по крайней мере, так утверждают последние результаты соцопросов! Да

и мне бы хотелось, чтобы это была правда. Круто, представляешь, это ж тебе не с Брежневым фотографироваться! Что, не понял?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.